

СКАЗКИ СИРОТЫ
В НОЧНОМ СЯДУ

Мастера магического реализма (АСТ)

Кэтрин Валенте

Сказки сироты. В ночном саду

«АСТ»

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Валенте К. М.

Сказки сироты. В ночном саду / К. М. Валенте — «АСТ»,
— (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-088658-6

В таинственном саду одинокая девочка с татуировками на веках рассказывает истории любопытному принцу, и неповторимые судьбы множества персонажей с их невероятными приключениями сплетаются в прихотливый и изящный узор, а тайна самой рассказчицы становится все страшнее и мрачнее. Иллюстрированный легендарным художником Майклом Калутой этот завораживающий роман, который могли бы написать в соавторстве Нил Гейман и Джордж Мартин, похож на лабиринт из нерассказанных мифов и мрачных сказок. От «Тысячи и одной ночи» до исландских сказаний, от братьев Гримм до русских сказок, от Геродота до Андерсена – в этом калейдоскопическом полотне встречаются драконы и пираты, ведьмы-оборотни и монахи с собачьими головами, проклятые города, умирающие звезды, древние боги и многое, многое другое.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-088658-6

© Валенте К. М.
© АСТ

Содержание

Степная книга	7
Начало	7
Сказка о Принце и Гусыне	9
В Саду	12
Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)	12
Сказка Ведьмы	13
Сказка Бабушки	17
Сказка Лошадницы	17
Сказка Бабушки (продолжение)	19
Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)	20
Сказка Бабушки (продолжение)	22
Сказка Бабушки (продолжение)	26
Сказка Волчицы	29
Сказка Ведьмы (продолжение)	31
Сказка Волчицы (продолжение)	32
Сказка Бабушки (продолжение)	33
В Саду	34
Сказка Бабушки (продолжение)	35
За пределами Сада	39
Сказка Ведьмы (продолжение)	42
Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)	42
Нянина сказка	44
Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)	46
Сказка Ведьмы (продолжение)	46
Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)	50
Сказка о Другом принце	51
В Саду	52
Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)	52
Сказка Трактирщика	54
Сказка Остроги-Звезды и Цапли	58
Сказка Звезды	58
Сказка Остроги-Звезды и Цапли (продолжение)	61
Сказка Трактирщика (продолжение)	61
Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)	64
Дискуссия Болотного короля	65
Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)	66
Сказка Левкроты	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Кэтрин Валенте

Сказки сироты: В ночном саду

Catherynne M. Valente: THE ORPHAN'S TALES: IN THE NIGHT GARDEN
Печатается с разрешения издательства Spectra, an imprint of Random House, a division of Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

В оформлении обложки использована иллюстрация Михаила Емельянова.

Автор внутренних иллюстраций: Майкл Уильям Калута.

© 2006 by Catherynne M. Valente

© Наталия Осояну, перевод, 2015

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2016

© 2006 by Michael Wm. Kaluta, interior illustrations

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящается Саре, которая, будучи совсем юной, мечтала о саде

Степная книга

Начало

Жила-была девочка, чьё лицо напоминало молодую луну, сияющую над кипарисовой рощей, и перья птиц, что живут у воды. Девочку эту переполняли тайны. Зимой по ночам она любила сидеть посреди огромного дворцового Сада, прижав ладони к снегу, и наблюдать, как он тает от тепла. Она носила венки из побегов чеснока и глицинии; утоляла жажду, черпая воду из фонтанов, украшенных лазуритом; дождливыми вечерами ела холодные груши под соснами.

С самого рождения у девочки имелась странная и удивительная отметина: её веки и кожа вокруг глаз были окрашены в густой иссиня-чёрный цвет и походили на чернила в фарфоровых чашечках. Из-за этого она выглядела загадочной и угрюмой, будто сова, сидящая на жердочке из слоновой кости, или енот на берегу игривой реки. Повзрослев, девочка могла бы не подводить глаза тёмным карандашом.

Отметина вызывала страх у людей, поэтому девочку в совсем юном возрасте бросили в Саду, что простирался вокруг многобашенного Дворца, где она с той поры и бродила. Родители смотрели на неё с содроганием и ужасом, гадая, не испортило ли уродство дочери их собственную репутацию. Вельможи были твёрдо уверены, что она – демон, посланный уничтожить блистательный двор. Дети вельмож, носившиеся по Саду стайкой диких гусей, старались держаться от девочки подальше, опасаясь проклятия, наложенного ужасными силами. Султан колебался: окажись она и впрямь демоном, не стоило навлекать на себя гнев её адской родни, небрежно покончив с девочкой, как если бы речь шла о необходимости скосить сорную траву. В конце концов, её молчаливость и уединённый образ жизни оказались весьма кстати – благодаря им можно было делать вид, что всё хорошо.

Так продолжалось много лет, и тринадцать раз расцвело лето, словно большая оранжевая роза, – расцвело, а затем увяло.

Как-то раз к девочке подошло другое дитя – не слишком близко и осторожно, как олень, готовый в любой момент исчезнуть среди теней. Это был мальчик, с лицом, напоминавшим зимнее солнце, и стройный, будто речной тростник. Он остановился перед девочкой, одетой в потрёпанное шелковое платье и поношенный плащ, некогда бывший белым, и провёл по её векам указательным пальцем, источавшим сладкий аромат. К своему удивлению, она не отшатнулась – ведь ей было одиноко, и её, как обычно, переполняла печаль.

– Ты в самом деле дух? Очень-очень злобный? Почему у тебя такие глаза – тёмные, как озеро перед рассветом? – спросил хорошенький мальчик и наклонил голову, словно ибис, замерший посреди реки.

Девочка ничего не сказала.

– Я тебя не боюсь!

Мальчик вёл себя храбро, но его голос дрогнул. Девочка продолжала смотреть на него, а ивы вокруг качались на восточном ветру. Когда она заговорила, её голос вторил тихому шуршанию цикад на далёких холмах, укрытых туманом:

– Почему?

– Я очень смелый. Однажды я стану великим Генералом и буду носить алый плащ.

На бледных губах девочки мелькнула тень улыбки.

– Значит, ты пришел, чтобы убить грозное демоническое отродье, поселившееся в Саду? – прошептала она.

– Нет, я...

Мальчик развёл руками, сообразив, что такое поведение не делало ему чести.

– Никто не говорил мне так много слов с той поры, когда я видела зимние снега сквозь щель между тёплыми меховыми шторами. – Девочка снова уставилась на гостя, неподвижная как изваяние. Потом в её сумеречных глазах сверкнула искорка, и она будто приняла какое-то решение. – Рассказать тебе правду? Поведать мой секрет? Одному тебе из всех детей, что носят кольца с рубинами и пахнут оливковым мылом? – Её голос звучал всё тише, словно ей не хватало дыхания.

– Так ведь я об этом и попросил, верно? Я умею хранить секреты! Моя сестра говорит, у меня это хорошо получается – я как Король воров из няниной сказки.

Они надолго замолчали; солнце спряталось за облаками. Потом девочка заговорила – чуть слышно, будто собственный голос вызывал у неё страх:

– Однажды вечером, когда я была совсем малышкой, к большим серебряным воротам пришла старая женщина и, протянув руки сквозь ветви роз, сказала мне, что я не родилась с этой отметиной. Когда мне исполнилось семь месяцев и семь дней, у колыбели явился призрак, и, пока моя мать спала в белоснежной постели, он коснулся моего лица, покрыл его множеством сказок и заклинаний, как моряки покрывают свое тело татуировками. Стихов и песен было так много, и их записали так плотно, что они превратились в длинные непрерывные полосы цвета чёрного янтаря на моих веках. Это слова рек и болот, озёр и ветров. Вместе они творят великую магию. Когда все сказки будут прочитаны вслух и выслушаны до блистательного завершения каждой, когда отзвучит последний слог – призрак вернётся, чтобы судить меня. Старуха исчезла в синеликой ночи, а я день за днём пряталась в кустах жасмина и олеандра, всматриваясь в бронзовое зеркало, найденное среди мусора, или застывала над своим отражением в водах одного из садовых прудов. Но это оказалось трудной задачей: приходится читать задом наперёд, и только с одного века. – Девочка умолкла, а потом произнесла совсем тихо, не громче шуршания паучьих лапок, плетущих опаловую нить: – И никто меня не слушает.

Мальчик уставился на неё. Приглядевшись, он различил дрожащие строчки в густой черноте век, намёки на алфавит, состоящий из невероятных букв. И чем внимательнее он смотрел, тем отчётливее казались их очертания, словно буквы рвались к нему, хватались за него. От этого становилось не по себе.

Мальчик облизнул пересохшие губы. Теперь они шептались вдвоём, как заговорщики, или злоумышленники. Другие дети ушли, оставив их наедине под косматой гривой сгорбленной ивы.

– Расскажи мне одну из сказок, записанных на твоих веках. Пожалуйста! Всего одну.

Он до смерти боялся, что девочка оттолкнёт его и сбежит, как собака, постоянно терпящая побои. Но она продолжала смотреть на него странными тёмными глазами.

– Ты добр ко мне, другие не осмеливаются даже приблизиться. Отблагодарить за это я могу лишь сказками. Но тебе придётся перейти из открытой части Сада в моё убежище, потому что никто не должен знать, чем мы заняты. Иначе тебя накажут, а у меня заберут зеркало и нож, моё скромное имущество, и запрут куда-нибудь, чтобы демон-дух не опустошил чьи-нибудь прекрасные дома.

И вот они осторожно двинулись прочь от желто-зелёной ивы, вдоль бесконечных клумб, посаженных розами. Нырнули под арку цветущих каштанов и внезапно очутились в беседке из белых цветов, аромат которых можно было чувствовать кожей, как прикосновение невидимых рук. Красные ветви переплелись, образовав подобие низкой крыши, и на мягкой земле, покрытой слоем листьев, хватило места обоим.

– Я расскажу тебе первую сказку, которую смогла прочесть на своём левом веке.

Мальчик замер, точно заяц в лесной чаще, наостривший шелковистые ушки.

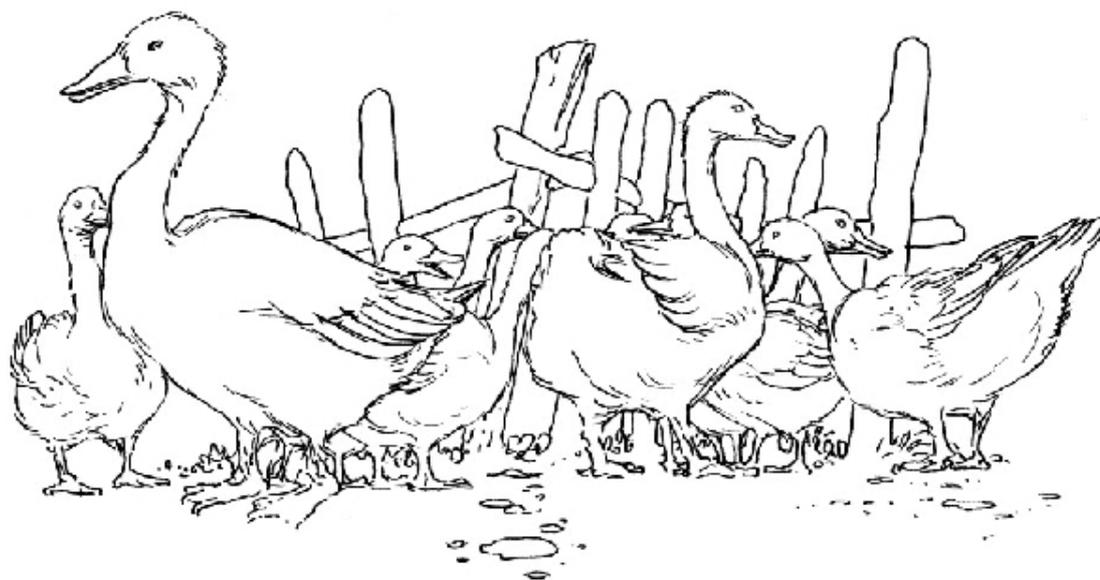
– Давным-давно в далёкой стране жил неугомонный Принц, которому было мало богатств отца, красоты придворных дам и веселья пиршественного зала. Принца звали Леандр, в честь рыжевато-коричневого льва, что носится по степи как грозный ветер. Однажды ночью он вырвался, словно ястреб-охотник, из величественного замка с увитыми плющом стенами и отправился искать подвиги, желая успокоить терзавшую его тоску.

Сказка о Принце и Гусыне

Принц крался в ночи. Тени скользили по его телу, будто речные угри, он легко и беззвучно ступал по устилавшим землю сосновым иголкам, углубляясь в лес. Звёздный свет струился как река, прорвавшая плотину. У Принца не было особых планов, не считая желания уйти подальше от дворца до восхода солнца и до того момента, когда гончие отца возьмут его след. Ветви деревьев над головой сплетались в подобие черепичной крыши, сквозь которую местами проглядывали синеватые облака; вокруг пахло сосновой смолой. Впервые за свою не слишком долгую жизнь юный Принц почувствовал, как счастье переполняет его и рвётся наружу, будто солнечный свет.

Когда светило ринулось прочь от горизонта, словно шустрый вор, Принц устроился на отдых, прислонившись к узловатому стволу большого баобаба. Он позавтракал сыром и соленым мясом, взятым на кухне. Мясо оказалось вкуснее всего, что ему доводилось пробовать. Следующие несколько часов Принц проспал под открытым небом, на котором расцветали утренние силуэты глициний и лилий.

Немного позднее, продолжив свой путь, он набрёл на выросшую посреди симпатичной лужайки маленькую хижину с тростниковой крышей и добротной деревянной дверью – круглой и с узором из медных гвоздей. Над трубой весело клубился дымок, пахнувший шалфеем и кедром. Вокруг дома паслась стайка серых гусей, похожих на беспокойное перистое облако, зыбкое и пугливое. Изыщные красивые птицы гоготали и чистили пёрышки, устроившись под изогнутым навесом из ветвей камфорного дерева и свежей соломы.

Принц был смыслёным, но его молодости, как водится, не хватало мудрости: кроме скромных припасов, взятых на кухне, у него оказалось с собой лишь несколько яблок из сада. Он полагал, что с лёгкостью добудет пропитание: весь мир должен быть таким же изобильным, как земли его отца; на деревьях должно быть так же много покрытых бриллиантовой росой фруктов; все животные должны обладать такой же покорностью и быть не менее при-

ятны на вкус, а все крестьяне – так же стговорчивы и щедры. Принц начал понимать, что на самом деле всё не так. Его желудок беспокойно ворчал и явно сигнализировал о необходимости пополнить запасы, прежде чем продолжить путь. К тому же гусей около дома было много – добрые и весёлые обитатели милой хижины даже не заметят исчезновения одного из длинношеих созданий.

Принца с раннего детства учили охотиться и подкрадываться. Уверенно ступая на мускулистых полусогнутых ногах, он тихонько выбрался из своего убежища, притаился за большим плугом и замер в высокой летней траве, выжидая подходящий момент, управляя дыханием и замедляя биение сердца. Было позднее утро, и солнце напекло ему шею. Струйки пота текли по коже, проникая за воротник, но Принц не шевелился до тех пор, пока одна милая гусыня наконец не отделилась от стаи и, заглянув за лезвие плуга, не уставилась на чужака. Взгляд её умных чёрных глаз был пронизательным и глубоким, как осенняя ночь.

Принц, напоминавший проворного молодого волка, не смотрел гусыне в глаза, а поймал её и одним ловким движением свернул изящную шею, будто сухую ветку. Выйдя из травяных зарослей, он двинулся назад, к роще. Однако гуси заметили исчезновение товарки и разразились пронзительными испуганными криками.

Дверь хижины распахнулась, и оттуда выкатилась женщина жуткого вида, с развевающимися седыми волосами и блестящим топором в руках. Лицо у неё было широкое и плоское, покрытое зловещими таинственными отметинами: большие чёрные татуировки и шрамы исказили черты до такой степени, что не представлялось возможным сказать, отличалась ли она когда-нибудь красотой. На широком кожаном поясе с серебряными заклёпками висели два длинных блестящих ножа. От страшного крика старухи вздрогнули дубы и кипарисы; он раскатился по округе последним звуком разбитой флейты.

– Что ты наделал? Мерзкий мальчишка! Злодей, демон!

Женщина снова завопила, выше и пронзительнее любой совы. Гуси присоединились к ней, причитая и плача. Их горе рвало на части воздух и плодородную красную землю. Издаваемые ими звуки были одновременно чудовищными и чуждыми, полными нечеловеческой, бездонной скорби. Казалось, чьи-то невидимые когти впились в уши Принца.

Наконец старуха замолчала, продолжая тряссти большой головой и плакать. Принц замер, потрясённый и огорчённый скорее собственной неловкостью, чем её гневом. Она ведь была всего лишь женщиной, а птица – птицей. Зачем бояться какой-то карлицы, чья молодость давно миновала?

Держа гусиный трупик за спиной и надеясь, что широкие плечи его скрывают, Принц сказал:

– Я случайно наткнулся на ваш дом, госпожа, и не причиню вам вреда.

Несчастная опять испустила страшный вопль, а её глаза сделались до отвращения большими. До сих пор Принц не замечал в них желтоватого блеска, но сейчас он точно был, дикий и безумный.

– Ты лжешь! Ты убил мою гусыню, мою прекрасную птицу, моё дитя! Она была моей, а ты свернул ей шею! Милая моя, деточка моя!

Старуха горько зарыдала. Принц ничего не понимал. Он вынул из-за спины тушку, чтобы передать ее старой карге. И вдруг увидел, что сжимает в кулаке не птицу, а девушку, ослепительно-красивую и изящную, словно замерший над водой журавль, и что длинные чёрные волосы прекрасной незнакомки по-змеиному обвили его руки, потому что он держал её за шею у основания заплетённой в косу гривы. Девушка была одета в лохмотья, сквозь которые просвечивало мерцающее тело. Её длинная гладкая шея была аккуратно сломана.

Старуха с татуированным лицом ринулась на Принца, замахнувшись на него топором, как серпом на пшеницу, и он выронил тело девушки, с ужасным глухим звуком упавшее на траву. Карга настигла незваного гостя и, на миг замерев, шумно дыхнула ему в лицо гни-

лыми сливами и загадочными зельями из тёмных мхов. Сверкнуло лезвие – и она отсекала два пальца на левой руке Принца, а потом слизнула с потрескавшихся губ брызнувшие капли крови. Выпад был таким внезапным и безупречным, что он не успел уклониться, лишь заорал и вцепился в искалеченную руку. Принц понял: если пытаться бежать, потеряешь намного больше, чем пальцы. Он наобещал тысячи тысяч королевств и сокровища сотни драконов; сыпал невнятными клятвами, точно ребёнок. Но старухе всё было не нужно, её свободная рука медленно тянулась к одному из длинных ножей.

– Ты убил моё дитя, мою единственную дочь!

Она положила увесистый топор на влажную землю и с долгим судорожным вздохом потянула из ножен отполированное лезвие...

Девочка замолчала и посмотрела своему слушателю в глаза, напоминавшие глубокие болота на закате.

– Не останавливайся! – попросил он, задыхаясь от волнения. – Рассказывай! Она убила его прямо на месте?

– Уже ночь, мальчик. Ты должен идти ужинать, а я должна устроиться на ночлег в ветвях кедра. Каждому своё.

Мальчик разинул рот, отчаянно ища причину, по которой он мог бы остаться и узнать судьбу раненого принца. Он бормотал:

– Погоди-погоди. Я пойду на ужин и украду для нас еды, как это сделал бы отважный принц Леандр. Затем выберусь под покровом темноты, словно ястреб-охотник, и проведу ночь с тобой, здесь, под звёздами, сияющими будто журавлиные перья на солнце. И ты закончишь свою историю.

Он взглянул на неё с надеждой, которая полыхала сильнее факелов, что горели по всему дворцу.

Девочка молчала, опустив голову, как храмовая послушница. Затем кивнула, не поднимая глаз, и сказала:

– Очень хорошо.

В Саду

Когда последние багровые аккорды заката растаяли во тьме на западе, мальчик вернулся, сжимая в руках плотно набитый платок. Он протиснулся в заросли и с гордостью выложил свою добычу. Девочка сидела там же, где он её оставил, неподвижная, как одно из каменных садовых изваяний. Её странное спокойствие тревожило и пугало гостя. Он не мог вынести этот тёмный взгляд и смотреть в большие миндалевидные глаза, окруженные странными знаками, поэтому устался на тёплую еду. На квадратике из шелка лежала, поблескивая, запечённая голубка, рядом – сочные персики и холодные груши, а ещё половина хлебного ломтя, намазанного маслом и вареньем, варёные репки и картофелины, кусок твёрдого сыра и несколько засахаренных фиалок, недавно украшавших стол и прихваченных с собой. Мальчик вытащил из кармана флягу разведённого водой вина – главный приз его кухонных приключений.

Девочка не шевельнулась, даже не притронулась к голубке и грушам. Тёплый бриз всколыхнул её волосы цвета воронова крыла, несколько прядей упали на лицо; вдруг она задрожала и расплакалась. Мальчик не знал, куда себя деть, не желая ещё больше смущать её тем, что оказался свидетелем внезапных слёз. Он сосредоточился на подрагивающих ветках росшего поодаль кипариса и стал ждать. Вскоре всхлипывания утихли, и мальчик опять повернулся к рассказчице.

Он понимал, что она ни разу в жизни так не пиновала, поскольку её никогда не приглашали ужинать во Дворец, – догадывался, что девочка питалась фруктами и орехами из Сада, подбирая их с земли, словно нищенка. Но он не мог понять, зачем плакать при виде изобилия. Его руки были мягкими и пахли розовым маслом, волосы блестели. Мальчик не знал жизни за пределами двора, а при дворе красивые и юные удостаивались особого обожания. Будучи ребёнком из знатной семьи, он привык видеть в сочувствии повод для обиды и не мог обидеть её.

Не сказав ни слова, девочка оторвала крылышко у медной голубки и стала деликатно его жевать. Вытащив из складок простого одеяния узорчатый серебряный нож, разрешила грушу и протянула мальчику бледно-зелёную половину. Он невольно подивился тому, что она где-то раздобыла такой красивый предмет. У него точно не нашлось бы ничего похожего, а ведь её платье, если это одеяние вообще можно было назвать таковым, износилось до дыр, под ногтями виднелась грязь. Струйка ароматного сока потекла по девичьему подбородку, и она впервые улыбнулась. Происходящее напоминало восход луны над горной рекой; свет, запутавшийся среди бледных оленьих рогов; чистую воду, текущую под ночным небом. Когда девочка снова заговорила, мальчик нетерпеливо подался вперёд, отбросил с лица густые тёмные волосы, впился зубами в спелый персик, а потом запихнул в рот кусок сыра – бездумно, не чувствуя вкуса.

Продолжая свой рассказ, она закрыла глаза, и мозаика, покрывавшая её веки, стала подобием чёрных лилий на бледной поверхности пруда.

– Дикарка вытащила длинный нож из ножен, висевших на поясе, и на миг, играючи, приложила его к гладкой шее Принца – так, что лишь лёгкий вздох отделял его от фатальной раны...

Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)

– **Пощадите меня, госпожа, – прошептал Принц, – умоляю вас. Я останусь здесь и буду вашим слугой; займу место девы-птицы и сохранию верность вам до конца своих дней. Я буду вашим. Я молод и силён. Прошу вас!**

Принц сам не знал, что его вынудило сделать такое предложение, и сдержит ли он клятву, которая вернее закона. Слова вырвались изо рта, будто женщина засунула кулак ему в глотку и вытащила их оттуда. Её глаза сверкали, словно тучи, готовые породить тысячу молний. Но теперь в них появился расчётливый блеск – и через миг нож больше не угрожал Принцу.

– Даже если я соглашусь, это тебя не спасёт, – прошипела она, как большая жаба, поющая на закате. – Но я расскажу тебе историю моей дочери и о том, как она стала крылатой. Тогда ты, вероятно, поймёшь, что предложил, и, быть может, предпочтёшь смерть.

Однако рассказ пришлось отложить. Сначала старуха оторвала длинную полосу потрёпанного меха от ворота своего одеяния и замотала руку Принца. Её прикосновение оказалось умелым и более мягким, чем можно было бы ожидать; в нём даже ощущалось подобие нежности. Из мешочка на поясе она достала сушеные листья, среди которых, как ему показалось, были лавр и можжевельник. Старуха прижала эти листья к обрубкам пальцев на руке Принца. Затянув узлы, осмотрела повязку и осталась всем довольна.

– Перво-наперво, я не слепая, вижу, что ты молод и силён. Но нет сомнений, что твою молодость и жизненную силу я могу выпить как воду из колодца. Дело не в этом. Можешь ли ты слушать? Можешь ли ты учиться? Можешь ли ты молчать? Мне это неизвестно. Думаю, ты просто избалованный паршивец, у которого и ушей-то нет.

Принц покаянно опустил голову. Его рука прекратила пульсировать, и он не произнёс ни слова, рассудив, что молчание – лучший щит, способный уберечь от старой карги. Она присела на большой камень, теребя в узловатых пальцах несколько листьев, испускавших мускусный запах.

Сказка Ведьмы

Я родом из обитавшего на севере племени степнячек, у которых были косматые лошади и волосы, присыпанные снегом. Уверена, ты слышал истории о нас – мы были чудовищами, противоестественными, и заслужили свою участь.

Среди всех противоестественных чудовищ я была самой чудовищной и противоестественной. Нож – такое имя мне дали. В молодости, когда сила гудела во мне, словно натянутая тетива, я слыла лучшей наездницей из всех юных девушек. У меня было много ожерелий из яшмы и волчьих зубов, три отличных охотничьих ножа, тугой лук, который я могла натянуть так, что он превращался в полную луну, колчан со стрелами, украшенными перьями ястреба, и шкура дикой кошки, моей первой добычи. Вокруг, куда ни кинь взгляд, простирались дикие степи медового цвета, где племя охотилось на жирных оленей и обитали гнедые лошади, лоснящиеся и пахучие, которых я любила. Их бег был подобен ряби на поверхности горного озера. Я бегала и спала с ними бок о бок, ездила на них верхом. Я была счастлива: солнце стояло в зените, а больше мне ничего не требовалось.

Мои сёстры все были старше, мои братья сражались у границ наших земель, потому я была свободна и дика, а моя улыбка частенько напоминала оскал. Однажды бабушка Согнутый Лук – её все называли бабушкой, хотя она приходилась таковой лишь мне, – чьё лицо напоминало обглоданную кору и было самым уродливым из всех, что мне доводилось видеть, призвала меня к себе в новолуние. Она сказала, что нашла человека, за которого я выйду замуж. Я очень любила свою бабушку, но не желала становиться чьей-то женой. Я была мускулистой кобылицей, и жеребец мог лишь замедлить мой бег. Но слово бабушки считалось ближе всего к тому, что мы могли бы назвать законом. (Видишь ли, чудовища не ценят прелесть заповедей, высеченных на камне.) И потому, хоть я и была очень молода, надела её красивые штаны из оленьей кожи, гордо набросила на плечи свою шкуру дикой кошки и стала женой мужчины, которого она выбрала. Он был смуглым, с очень яркими

глазами, и мы охотились вдвоем – сначала лишь вместе резали мясо, но постепенно превратились в одного охотника, который прыгал на крупного оленя, сверкая двумя ножами. Мы улыбались и рычали друг на друга, а потом снова улыбались, и в небе над нами сияли звёзды, точно брызги молока на чёрной шкуре.

Когда мы с ним не охотились, сёстры Ножны и Колчан – дочерей у нас всегда по три – скакали со мной наперегонки, разучивали песни нашего племени и гортанные песни наших луков, а у бабушки мы учились магии. Я заплетала её серебряные волосы, и она учила нас тайным вещам – чудовищным и противоестественным. Под Змеёй-Звездой и Уздой-Звездой и Ножом-Звездой, моей тёзкой, бабушка покрыла моё лицо искусными татуировками и назвала меня своей лучшей девочкой, посвящённой, настоящей лошадицей.

Мы росли, охотились, смеялись. Я была счастлива и не знала, что солнце миновало зенит и двинулось вниз.

Однажды армия твоего отца...

Закрой рот, мальчик. Думаешь, я не узнала тебя в тот самый миг, когда твоя нога ступила на мою землю?

Однажды армия твоего отца пришла с юга, как степной пожар, и возвестила о своём появлении пронзительными воплями. Он хотел заполучить наши жирные стада и сильных лошадей. Он хотел повесить головы чудовищ к себе на стену. Он хотел очистить своё королевство от противоестественных созданий, которые верещали и передвигались на полусогнутых ногах, своим присутствием оскверняли белый свет.

Я и не знала, что бывают такие солдаты. Они носили броню, похожую на рыбу чешую, и высоченные плюмажи, похожие на дым; они сверкали, будто тысяча серебряных облаков верхом на лошадях, чёрных как демоны. Я выпустила в эти «облака» все свои стрелы и все украшенные вороньими перьями стрелы Ножен, лишившейся руки, в которой она держала меч. Из крови и тёмных влажных внутренностей сестры я подняла её клинок и попыталась вогнать его в брюхо одному «облаку». Но от меня с мечом никогда не было особого проку, и имя моё тут ни при чём: не успела я и замахнуться, как меня одолели.

Он был грязный человек. А когда дикое существо, ночующее не под крышей, а втиснувшись между лошадьми, называет кого-то грязным, будь уверен, дело не в обычной вони немытого тела. Потрясая увитой кожаными лентами и пропитанной кровью вшивой бородой, он схватил меня за талию и водрузил на своего боевого коня. Чтобы прервать поток проклятий, лившийся из моего рта, он ударил меня по лицу рукой в латной перчатке. Она мелькнула перед моими глазами, серебряная и до странности красивая, затем мне расскло лоб и всё вокруг сделалось красным.

Что же я была за чудовище – не выстояла против единственного рыцаря, не сумела вогнать меч в визжащего борова. Я глядела сквозь завесу из слёз, крови и глинистой грязи, как мой муж бежит следом и кричит, словно раненый волк, а за ним скачет твой отец с вороньим плюмажем на шлеме. Этот чёрный всадник вонзил огромное лезвие прямо в грудь моего мужа так небрежно и легко, будто поймал муху двумя пальцами. Я видела, как сгустки крови и частички костей полетели во все стороны; я смотрела, как кровь хлынула изо рта моего мужа на траву, как он упал на колени, будто собираясь помолиться, а потом рухнул лицом вниз, в грязь, перемешанную с кровью.

Я старалась перестать плакать и вжалась лицом в утешительный бок незнакомой лошади – по крайней мере, это была лошадь, её пот и шкура мало чем отличались от моих длинноногих друзей, – выискивая в запахе толстых мощных ног хоть какую-то надежду для моей семьи.

Мы ехали на юг.

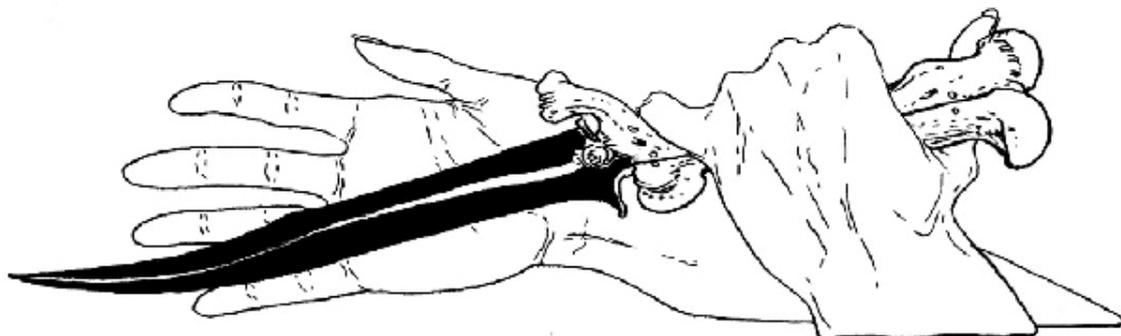
Солнце скрылось из вида.

Тот кулак был первым, что отметил моё лицо, и от него у меня на лбу остался шрам, похожий на морской узел. Остальные шрамы – моя работа. Мы ехали долго. Я потеряла счёт дням. Кислый запах грязного мужчины и его изголодавшаяся лошадь мешали мне думать. Провизии для рыцарей и женщин не хватало, что уж говорить о бедных животных, которых стоило бы холить, лелеять и поить только чистой водой.

Через несколько дней Колчан сумела покончить с собой, прыгнув в реку; течение, словно дыхание ночи, унесло её далеко от меня, не позволило поймать и прижать своё лицо к её лицу. Она была самой старшей, но я живая, а её больше нет.

Я знала, чего мне ждать, ещё до прибытия во Дворец. Чудовища ведь не глупы. Мне предстояло стать рабыней, чтобы ублажать твоего отца и его грязных солдат. Меня бы хорошо одевали и холили, как шлюху. Рабство меня не тревожило: сбежать было бы нетрудно. Но я не желала доставлять им удовольствие, не хотела быть красивой для них. Они говорили, что татуировки, которыми меня наделила бабушка, эти красивые тёмные линии, змеящиеся по моему лицу, эк-зо-тич-ны.

Во мне, как в железной печи, горела чёрная и яростная ненависть. И потому однажды ночью, когда мой приятель-грязнуля напился и захрапел, я вытащила кинжал из ножен на его боку. Прекрасное оружие! С прямым чистым лезвием, которое мерцало, точно вода, ставшая могилой Колчан. Я приложила его к одной щеке, затем к другой и провела по ним сверху вниз – дважды, трижды, – рассекая плоть и навеки разрушая единственную красоту, какой было наделено чудовище.

Конечно, мужчины были в ярости, когда наутро выяснилось, что моё лицо покрыто толстым слоем крови, словно я набросила на себя багровую шкуру. Меня вытащили из палатки и бросили к веренице настоящих рабов, бедолаг, которым предстояло отправиться в шахты и каменоломни. Я всерьёз поверила, что туда отправят и меня, рубить скалу и собирать крохи металла, и возликовала. Что проще побега, когда горы вокруг так и зовут в гости? Я чувствовала себя будто нарядилась в лисью шкуру и припасла достаточно трюков, предвкушая победу. Но я ошибалась.

Дворец возник перед нами, словно вставший на дыбы жеребец, крупный и грозный, и, к моему ужасу, меня не отправили дальше, в золотоносные холмы или укрытые известковым покровом лощины, а затащили внутрь. Вниз, вниз, вниз, вниз – я прошла тысячу ступеней и сотню ворот, ведомая грубыми руками, и очутилась в маленьком и сыром подвале. «Ах, – решила я тогда, – вот и кара за испорченный военный трофей».

Я выла. Я кричала и вопила, как стая обезумевших сов, выдирала волосы и царапала каменный пол, пока напроць не стёрла пальцы. Я лежала на полу, свернувшись калачиком,

словно ребёнок, и рыдала: мой побег стал невозможен, мне предстояло провести остаток жизни в этом месте, в тысяче ночей от моих заснеженных, открытых всем ветрам степей. И вот тогда-то в темноте раздался смешок, а потом знакомый грубовато-нежный голос, напоминавший волчью шерсть, о которую трётся щекой. Он негромко произнёс:

– Ну что, девочка моя, ты наконец-то успокоилась?

Я всмотрелась в густую тьму, обозревая комнату до самых углов. Там, где я ожидала увидеть груду костей да пучки старых волос, скрестив ноги и смеясь, сидела моя бабушка, одетая в лохмотья.

– Тебе нужно было немного побуяннить, знаю, но сейчас ты просто потакаешь своей слабости. Разве я плохо тебя учила?

Она развела худые руки, кожа на которых напоминала обглоданную кору, и я упала в её объятия. Не знаю, как долго она меня держала, сколько раз я умирала, воскресала и умирала вновь. Но, когда я подняла глаза и посмотрела ей в лицо, она гладила мои волосы и улыбалась.

– Всё не так плохо, милая, они могли тебя убить.

– Это хуже, – проворчала я. Бабушка тотчас же ударила меня по изуродованному лицу, словно лошадь по крупу шлёпнула.

– Нет! Ты жива, а обе твои сестры мертвы. Что же ты себя жалеешь, маленькая паршивка? Кажется, я тебя избаловала.

Потрясённая, я уставилась на неё, точно глупый зверь.

– Они притащили меня сюда, так как думают, что могут сломать меня или использовать, либо и то и другое, – задумчиво произнесла она. – Я ведь, как-никак, весьма необычная рабыня и принадлежу глупому придворному волшебнику, мастеру фокусов со шляпой и кроликом. Я решила, пока и так сойдёт... Они продержат меня здесь достаточно долго, чтобы я поняла, кто главный, а кто нет, и тогда меня приведут к Королю, чтобы показать, какая я послушная собачка. Я окажусь достаточно близко, чтобы перерезать ему глотку. – Бабушка лучезарно улыбнулась, не скрывая ликования. – А потому у нас с тобой мало времени на разговоры, я должна рассказать историю, которая позволит тебе примириться с собственной судьбой. – Поджав губы, она изучила мои изуродованные щёки. – Хорошо, что ты погубила своё лицо. И не только потому, что это привело тебя ко мне, а ещё и потому, что красавицам редко удаётся сильная магия.

Я смотрела на неё и слушала, слова текли вокруг меня, будто я погрузилась в холодный пруд, и его вода качала меня, охлаждая разгорячённую кожу. Бабушкины глаза блестели, точно совиные, а её лицо было спокойным ликом луны.

– Теперь слушай меня. Прежде чем нас разлучат, я должна рассказать историю своего ученичества, чтобы ты узнала то, что знаю я, то, чему могли бы научиться вы с сёстрами, не свались Король на наши головы, словно камень, брошенный с горы. Раз уж так случилось, тебе придётся взять то, что можно взять с этой дряхлой развалины.

Девочка замолчала, сжав нежные губы и глядя в темноту глазами, окруженными тенями и паутиной из слов.

– Ты так внезапно умолкаешь, – уныло заметил мальчик, – словно упрямая черепаха, которая прячет голову в панцирь именно в тот момент, когда мне хочется услышать, что было дальше. Это сильно раздражает.

Девочка вяло улыбнулась, словно извиняясь, но нужных слов не нашла. Она аккуратно облизнула губы, вкушая последние крупички запечённой голубки.

– Просто мне надо немного отдохнуть. Мы можем поспать час, а потом я продолжу. – Она покраснела до ушей. – Можешь лечь рядом со мной, если хочешь; по ночам здесь холодно.

Девочка устроилась в высокой траве, мальчик неуклюже улёгся рядом. Они долго не могли заснуть, дрожа от напряжения в присутствии друг друга, будто он не спал каждую ночь рядом с братом или сестрой, а она не проводила каждую ночь то в цветущей беседке, то в древесном дупле. Мальчик следил за тем, как ветер играет её волосами, словно тростником у реки, и, когда она наконец уснула, сам расслабился и задремал.

Но вскоре уже будил её, томимый желанием услышать историю, как бродяга в бескрайней пустыне жаждой.

Сказка Бабушки

Моё ученичество длилось много лет, и, чтобы рассказать тебе всё, не хватит времени, которое мы сможем провести вместе в этом тесном и тёмном подвале. Я поведаю тебе лишь об одной-единственной ночи – последней ночи, когда я ещё считалась ученицей, последней ночи детства. Истории вроде этой живут среди теней, в глубине-на-дне-глубины, куда солнцу нет хода.

Моя мать умерла во время налёта, когда я была совсем малышкой, а её мать умерла при родах. Поэтому меня было некому учить, никто не мог поделиться со мной секретами и указать моё место в племени. Когда я достигла совершеннолетия, меня отослали в соседний посёлок на телеге, груженной шкурами и драгоценностями, которыми тамошней ведьме заплатили за мое обучение и приют. В те времена мои волосы были густыми, рыжими и яркими, как степной пожар. Руки и ноги гладки и крепки, словно копыта, – я почти не замечала, что, пересекая широкую пустошь между деревнями, телега дребезжала и подпрыгивала.

Я прибыла на место. Моя наставница оказалась свирепой, красивой и жуткой. Турайя была очень строга: она не доверяла мне, чужачке, моим рыжим волосам, простому имени и, самое главное, моему упрямству. Целый год я была лишь её служанкой: подметала пол в хижине, полировала ножи, носила ей воду и чесала лошадей. Турайя не разговаривала со мной. Я спала снаружи, под звёздами, постель мне заменяла сухая трава. Только на второй год она позволила мне спать рядом с собой и начала моё обучение. Может, так и надо поступать с девочками? Не знаю. Я не была такой, когда растила тебя, Колчан или Ножны. Наверное, я просто оказалась слабее, чем моя старая наставница.

В первую же ночь второго года я лежала рядом с ней, напряжённая, ощущая запах плесени, который шел от её старой кожи, её острые локти и колени, её жесткие белые волосы, в свете угасающих углей костра казавшиеся почти того же оттенка, что и мои, как вдруг она, не глядя на меня, сказала:

– Слушай, Согнутый Лук, козочка моя. Посмотрим, сможешь ли ты научиться ещё чему-нибудь, кроме дойки яков...

Сказка Лошадницы

Открой уши свои, впусти в них небо.

В самом начале – до того, как вшивый и косматый козёл да одинокий батрак в своих грёзах увидели тебя, – существовало одно лишь небо. Оно было чёрным и огромным, каким и должно быть небо, в котором больше ничего нет. Но небо выглядело небом, только если на него смотреть искоса, а если взглянуть прямо – чего, конечно, никто не мог сделать, так как смотреть было некому, – оно представлялось длинным и гладким боком Кобылы.

Черна и огромна была Кобыла, какой и должна быть лошадь размером с целый мир.

Прошло много времени, и Кобыла прогрызла в себе дыру, по причинам, которыми ни с кем не поделилась. Дыра заполнилась светом тем же образом, каким дыра в тебе или во мне заполнилась бы кровью, а то, что получилось, называли Звездой. Таковы были первые, истинные дети Кобылы, созданные из её собственной плоти. И поскольку ей понравился свет и чьё-то присутствие, она прогрызла другие дыры, по форме напоминавшие Барсуков и Плуги, Оленей и Ножи, Улиток и Лис, Траву и Воду, и так далее, и тому подобное, пока Кобыла не запольхала множеством дыр, и все они были Звёздами, и небо теперь не было таким уж пустым.

И вот дыры ожили, стали двигаться, как движемся мы с тобой, и одна, по форме напоминавшая Всадника, забралась на Кобылу верхом – и Кобыла сделалась полна и огромна, какой и должна быть лошадь размером с целый мир, и целый мир появился из неё, как жеребёнок, в потоке света и молока и чёрной, чёрной крови из самых тайных глубин неба. И трава, и реки, и камни, и женщины, и лошади, и новые Звёзды, и мужчины, и облака, и птицы, и деревья явились, танцую, сквозь послед Кобылы и радостно плавали в её молоке, и тайная её кровь перестала течь, и весь мир был создан, и океаны омыли берега, и Кобыла лёгким галопом удалилась в дальние углы самой себя, которые лишь самую малость проглядывали сквозь пылающее поле её Звёзд. Там, на пастбище, которое ни ты, ни я не сможем вообразить, она мирно жуёт любимые Травинки-Звёзды.

А дыры, которые были Звёздами, всё ещё оставались полны света и бродили по небу, неуклюжие, словно трёхлапые собаки. Без Кобылы тьма была просто тьмой, а не боком, не шкурой, не тем, у чего есть запах, и соль, и шерсть. Разумеется, дыры испугались, ведь до той поры их ноздри ощущали запах кобылы, и сами они спиной чувяли её присутствие. Несколько дыр посмотрели вниз, на то, что вышло из Кобылы, прежде чем она их всех покинула, и подумали, что там не так страшно и темно, как в небе... Кроме того, там многое походило на них: барсуки и плуги, олени и ножи, улитки и лисы, трава и вода. И даже лошади, которые походили на Кобылу, какой они её помнили, только намного меньше и самых разных цветов.

Тогда, козочка ты моя чесоточная, стали они жить как мы с тобой, в то время как их не столь смелые братья и сёстры по-прежнему пребывали в небе и освещали им путь. И были они и учителями, и учениками, и матерями, и дочерьми, и братьями, и дядьями, и брюзгливыми стариками. И ничего они не могли поделать с собой: их везде сопровождал свет, тот свет, который, как ты помнишь, был на самом деле не светом, но кровью Кобылы, пролитой в первые дни мира.

Стало быть, вначале кровесвет переполнял их до такой степени, что всё, к чему они прикасались, становилось серебряным и белым, – он сочился из них, словно пот, и всё им пропитывалось. Но время шло, света оставалось меньше, и они испугались, что потеряют то единственное, чем их наделила мать Кобыла. Ещё сильнее они боялись огромного тёмного неба, в котором не было матери, и не хотели снова покидать мир. И потому они начали прижиматься друг к другу, как цветы, растущие среди камней, и ушли в пещеры и холмы, реки и долины, как можно дальше от всех, и касались лишь себе подобных, потому что свет, перетекая из одного тела в другое, переливался и мерцал, но не утрачивался навеки.

Но хоть Звёзды скрылись от всех, вещи, к которым они прикасались, остались на прежних местах, полные света, который был кровью, и они излучали серебристо-белое сияние. И были эти вещи особенными, блохастик мой... Камни и растения передавали свет камням, лежавшим глубже, или семенам, а люди передавали свет детям, и он уменьшался в точности так, как когда Звёзды впервые трогали мир, истекая кровью. Вскоре никто уже не мог понять, к чему прикасались в первые дни, а к чему – нет. Свет был погребён под покровом тайны.

Но не исчез. Во многих вещах и людях он ещё мерцает глубоко внутри. И этот свет, моя неряшливая, охочая до молочка детка, и зовётся магией.

Сказка Бабушки (продолжение)

Я слушала её историю и думала о том, что она сладко пахнет кровью, молоком и шкурой, будто сама Кобыла, и я позволила себе по чуть-чуть придвигаться к ней. Той ночью она больше ничего не сказала.

Я росла под её хмурым взглядом много лет, как лоснящийся жеребёнок, училась искать мерцание внутри себя, управлять этим светом, силой, быть для неё уздой и удилами. Мир бежал подо мной, словно поле под янтарными копытами, и я чувствовала, как в моём теле пульсирует кровесвет, будто новая жизнь... А я многим помогла родиться, девочка моя, как под руководством Турайи, так и сама.

Свет собирался в моей душе, и я ликовала. Я училась превращать его в снадобья, заклинания и амулеты, выталкивать его из себя и придавать разные формы. Сколько ночей я провела с ней под открытым небом во время грозы, когда её волосы струились на ветру, как обезумевшие змеи, а руки обращались к разгневанным тучам, извергавшим молнии? Я изучала и то, в чём не было света: дороги животных и степные пути. Я узнала, как спасти жеребёнка, который застрял в утробе матери, как поймать и подоить косматых коров, что жевали траву в прериях. В молодости время летит быстро, я любила свою госпожу, и мне ещё многому предстояло научиться.

Но однажды ночью Турайя пришла ко мне в короне из лунного света и тьмы.

– Согнутый Лук, – прошипела она, – козочка моего сердца. Ты должна сейчас пойти за мной. Раз в жизни постарайся не задавать никаких вопросов.

Я открыла неугомонный рот, потом хорошенько подумала и закрыла его, взяла свой мешок и последовала за худой фигурой через длинный луг, окружавший деревню. Мы шли мило за милей, и её расплывчатый силуэт маячил впереди, так что я погрузилась в полудрёму, а небо и жестокий зимний ветер плавно скользили по моим щекам.

Через некоторое время мы подошли к исполинскому утёсу, который возник перед нами, будто огромный медведь. Ведьма притянула меня к себе и обняла, чего раньше не делала ни разу. Когда она отстранилась, её грубоватое лицо было влажным от слёз.

– Ты была моей лучшей ученицей. Я тобой горжусь. Но сегодня вечером мне нельзя идти с тобой. Я такого никогда не делала... у меня нет на это права. Оно есть только у тебя, и останься в твоей семье хотя бы одна женщина, мы бы никогда не встретились. Если утром ты вернёшься в деревню, это будет означать конец твоего ученичества. Ты станешь полным колодцем: в нём будет достаточно серебряной воды, чтобы ты могла вернуться к своим людям, напоить их, указать путь и научить. Дальше будешь учиться сама, как все мы, до конца своих дней сами себе учительницы и ученицы, наставницы и подмастерья. Ты вернёшься, отягощённая знанием, и передашь его своему племени, и сила твоя будет расти, точно дитя, и ты проведёшь остаток жизни в труде. Но сначала ты должна пережить эту ночь и родиться заново. Тогда ты будешь готова, моя прекрасная, прекрасная дочь. Моя прекрасная козочка.

Её рот изогнулся в сердечной улыбке, сделавшись похожим на скимитар¹, и она указала на дыру, зияющую в скале. Я неуклюже поцеловала её в щёку, заглянула в её сияющие глаза. Я решила, что спрячу свой страх, овладею им и войду в него, буду бродить внутри, пока он не исчезнет в моём тихом, спокойном нутре. Я отвернулась от Турайи, моей жизни с ней и юности, и вошла в пасть пещеры.

¹ Скимитар – обобщённый европейский термин для обозначения различных восточных сабель. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Вскоре я уже ничего не видела: тьма будто руками закрыла мои глаза. Я расчистила себе место на прохладной твёрдой земле, прислушиваясь к медленному и ленивому шуршанию летучих мышей где-то очень высоко. И стала ждать, скованная чернотой.

Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)

Краснеющее солнце освещало лицо Нож, её нос отбрасывал тень на шрамы, а глаза были глубоки и непроницаемы, словно заснеженные горы. Вокруг дома, тут и там, как цветы на лугу, стояли деревянные вёдра с водой из колодца, на её поверхности играли багровые и шафрановые блики, вторя полыхающему небу. Принц покачался на пятках, провёл рукой по густым чёрным волосам, увлажнившимся от пота. Встрепенулся, будто сбросив чары, и внимательно посмотрел на старую Ведьму.

– Ну, – выпалил он, – и что было потом?

Женщина издала сиплый смешок.

– Потом красавчик Принц вошел в хижину, потому что близилась ночь, и замесил тесто, чтобы мерзкая, уродливая Ведьма смогла испечь хлеб.

Принц, до сих пор умудрявшийся вести себя с достоинством, чуть не сорвался. И что же, теперь он должен трудиться на кухне у этого убожества, словно какая-нибудь судомойка? Леандр из Восьми королевств, Двукровный повелитель границ, сын Хелии Блистающей точно не станет печь мерзкий хлеб для тощей крестьянки в дрянном местечке. Да, он пообещал служить ей, но собирался делать это подобающим мужчине способом, сокрушая одних существ и спасая других. Хлеб не нужно было ни сокрушать, ни спасать.

Принц открыл свой благородный рот, чтобы кое-что сказать старухе, но её ледяной взгляд превратился в петлю вокруг его шеи и не дал вымолвить ни слова. Её зубы до жути ярко блестели между потрескавшимися губами и будто удлинились, превращаясь в напользающие друг на друга ножи цвета слоновой кости. Через миг видение исчезло, но теперь Принц был убежден, что хлебопечение – самое достойное и приятное занятие, а замес теста, возможно, не сильно отличается от сокрушения.

Хотя ему пришлось согнуться, чтобы войти в хижину, там оказалось удобнее и просторнее, чем можно было предположить: в углу пламя лизало кривые поленья боярышника, вдоль стен выстроились книги в переплётах. Нож повернулась, когда он снял свои сапоги из отменной кожи.

– Уж прости за дверь. Мой народ всегда был низкорослым.

Пучки сушеных трав и некогда ярких цветов свисали с крючков на потолке, будто серые, красные и коричневые сталактиты. Он увидел увядшие цветы персика, покрытые пылью люпины, розы и связки грибов, похожих на розы, дягиль, трифоль, бурую водоросль, мать-и-мачеху, руту и просвирняк... на чём его невеликие, как у всех принцев, познания в ботанике закончились. Блестящие чёрные шкуры покрывали пол, точно осенние листья. Границы просторной главной комнаты отмечали развешенные повсюду отрезки необычных тканей ярких цветов, на полу были расставлены большие терракотовые вазы и загадочные сундуки с медными и серебряными замками, а также бесчисленные трости из самых разных материалов; массивный стол из полированного дерева громоздился возле очага. В целом Принц увидел именно то, что ожидал увидеть в жилище Ведьмы.

На столе виднелись куски только что замешанного теста и керамические горшочки с душистыми специями. Старуха взмахом руки указала на них и низкий стул. Сама она повернулась к большой железной плите, и её мускулистая спина закрыла то, что там готовилось, исходя паром. Воцарилась долгая тишина, которую нарушали тихие хлюпающие звуки: Принц одной рукой, медленно и неуклюже, замешивал тесто, не касаясь его раненой кистью, чтобы сочащаяся из неё кровь не запачкала хлеб. Обрубки пальцев почти не болели. Через некоторое время Нож, оторвав взгляд от плиты, потрясла седоволосой головой, как жеребёнок гривой, и произнесла, обращаясь к стене из неотёсанных брёвен:

– Знаешь, у тебя волосы матери, такие же длинные кудри, будто полосы коры. Только цвет другой.

В её грубоватом голосе звучала боль. Повернувшись, она подошла к столу с двумя глиняными чашками, в которых дымился зеленовато-желтый чай.

– Ивовая кора и дикая мята, – проворчала она, касаясь столешницы. Пламя очага чётко высвечивало её профиль. – И глаза у вас похожие, хотя не обошлось без твоего отца – он наделил тебя чернотой, в которой ничего не отражается.

У Принца перехватило дыхание, слова ринулись к его губам и умерли, задохнувшись на языке. Всё его тело будто боролось само с собой, и в какой-то момент он понял, что тихонько плачет, орошая солёными слезами хлеб, а его молодые плечи судорожно вздрагивают.

– Прошу, скажи, – взмолился он, – что ты знаешь о моей матери? Нет... не говори, ничего мне о ней не рассказывай. Никогда не рассказывай. – Принц вытер глаза грязным рукавом. – Говори мне о том, что случилось с твоей бабушкой в пещере, рассказывай старые сказки о Звёздах, в которые больше никто не верит, но не проси, чтобы я вспоминал мою мать.

Ведьма отхлебнула чая.

– Сидя в темнице, бабушка потёрла виски и выпила немного грязной воды из ржавого железного ковшика, который нам оставили. Я ждала терпеливо, как подобает хорошей ученице. Наконец она продолжила...

Сказка Бабушки (продолжение)

Разумеется, было темно. Такие вещи всегда начинаются в темноте. Я прислонилась к скале, чувствуя её влажноватую поверхность, вдохнула тяжелый воздух каменной утробы, что была темнее самой черноты.

Шли века. Или минуты.

Тени вокруг меня были плотными, с конечностями, а их тела имели вес. Временами я была спокойна и внимательна, будто сидела на гигантском лепестке иссиня-чёрной лилии, и её мясистая плоть изгибалась подо мной, настолько совершенная, что никакая часть меня не устояла бы перед желанием стать её частью.

И моё тело менялось, превращаясь в её угольно-сумеречное тело. Порой мне становилось холодно, я чувствовала себя одинокой и очень маленькой. Но я ощущала внутри непорочный огонёк, от которого исходило тепло, как от костра у ног. Его свет прошел сквозь меня, словно я была решетом из шелка, оставил чистой и непорочной в тишине пещеры. Я сидела, повернув руки ладонями кверху, пытаясь удержать изгиб темноты, похожий на свисающее брюхо цвета грозовой тучи, покрытое тёмными символами, живыми, дышащими, кружащимися в фиолетовой мгле, что приходит после заката.

Наверное, я почти уснула, как вдруг моё тело вспыхнуло и вздрогнуло, и в гематитовом воздухе появилось нечто. Сначала я не могла разглядеть ничего, кроме пятна, ещё более черного, чем чернота вокруг. Его края, излучавшие слабый свет, были границами некоей формы, очерченными жаром молнии, мерцающим послеобразом². Я испугалась, внучка, конечно же я испугалась. Протиснулась в углубление, имевшееся в стене, и дрожала как новорожденный оленёнок.

В конце концов я разглядела длинную голову и струящуюся гриву, сияющие глаза, круглые, точно луны. Она казалась частью камня, частью ночи, частью того, с чем мне ещё ни разу не приходилось сталкиваться. Мои глаза закатились, кожа покрылась липким потом. Моё сердце билось так сильно, будто я проглотила колибри.

² Послеобраз – феномен зрительного восприятия, который заключается в том, что после продолжительного взгляда на какой-либо объект или после яркой вспышки человек продолжает видеть этот объект, даже если он исчез из поля зрения. Послеобразы бывают негативные (на тёмном фоне) и позитивные (на светлом).

И вот фигура, обрамлённая белым огнём, сделалась ясной и чёткой.

Я мгновенно узнала изгиб её длинной чёрной шеи, гладкий круп и бархатистую шкуру, толстый хвост из тысячи кос, подметающий пол пещеры, дыхание, облачками вырывающееся из больших ноздрей, словно дымок из трубки: то была лошадь, превосходящая лошадей мечты, предвосхищавшая любые догадки о размере или надежды на красоту. Её уши, напоминавшие жесткие перья, достигали потолка пещеры и, подёргиваясь, вырезали на камне загадочные стихи. Её копыта ступали по беспорядочно разбросанным обугленным челюстям, лопаткам и грудным костям, похожим на скипетры.

Кобыла спокойно глядела на меня, изредка похрапывая и моргая добела раскалёнными глазами. Наступила тишина – такая же, как там, где тысяча зим сходятся у края вечных снегов.

Я по-прежнему не знаю, откуда взялась храбрость, из какого тайника во мне она выскочила, будто весело журчащий родник. Но я приподнялась на слабых ногах и протянула свою маленькую руку к существу, не замечая защитного круга из дребезжащих костей. Я погладила её нос и чело, не знавшее света... Внучка, я даже теперь не могу описать гладкость её плоти и лёгкость, с которой моя рука скользила по густой мерцающей шкуре. Её кожа была точно свежие сливки или тень ворона, летящего высоко в безлунной ночи. Она была красива и ужасна, дика и чиста. Её глаза вращались как солнца, а её огромное сердце громыхало напротив меня. Я припала лицом к её гриве, вдохнула запах дикой земли и горящего неба. Кроме неё, не осталось другого мира.

Внезапно, без предупреждения, громадная голова повернулась, словно распахнулась дверь, – и чёрная Кобыла вонзила в моё плечо полыхающие зубы, разрывая мышцы до костей. Мой беспомощный крик раскатился эхом по пещере, и кровь потекла из раны, словно река по красному каньону, тёплым потоком проливаясь на мои груди и руки. Я забилась, колотя руками по её боку, но зубы лишь глубже входили в мою плоть. Наверное, я потеряла сознание и, падая к её ногам, не ждала ничего, кроме смерти.

Придя в себя, я обнаружила, что снова лежу у скальной стены, вымокшая в собственной крови, как после ливня. Кобыла исчезла. Я залилась горькими слезами... Хотя она вонзила в меня свои зубы, мне их не хватало, я чувствовала себя пустой без их обжигающего света. Кобыла сделала то, что делала всегда, – прогрызла дыру в плоти, и теперь, когда она ушла, края этой дыры по ней тосковали. Её отсутствие заполняло пещеру, точно угасающее эхо.

На месте, где появилась Кобыла, возникло создание поменьше, в котором не было ничего внушительного или ужасного: оно сидело на задних лапах, и его глаза посверкивали в заново сгустившейся тьме. Увидев, что я ожила, существо прошло по земляному полу и остановилось прямо перед моим лицом. Это был красивый рыжий Лис с восхитительным пушистым хвостом. От него пахло жженой травой и медной стружкой, а по его шерсти пробегали зловещие ржавые искры.

К моему удивлению, Лис склонил свою любознательную мордочку и стал слизывать кровь с моей раны. Он закрыл блестящие глаза и трудился, делая грубые долгие и ужасно болезненные движения колючим розовым языком. Я прикусила губу и не всхлипнула, хотя прикосновение его шерсти к моей истерзанной коже вызывало агонию. Алый прилив постепенно отступил. Но маленький Лис не закончил со мной. Он открыл рот и довольно чётко проговорил:

– Прижми к ране немного желтокорня и корня одуванчика из твоего мешка, а сверху положи листья лавра, чтобы примочка держалась. Это поможет. Но важно полностью не останавливать кровотечение. Моя мать подготовила тебя, но кровь твоего тела тебе ещё понадобится.

Я безропотно повиновалась. Когда я закончила, Лис подался вперёд, чтобы понюхать моё плечо и проверить работу. Я внимательно следила за ним и, когда его голова наклонилась, быстро схватила его за поросшую жесткой шерстью шею. Хотя он забился в моих сильных руках и попытался укусить, я зашипела сквозь собственные острые зубы:

– Ты сейчас же расскажешь мне, что здесь происходит, Лис, или я сниму с тебя шкуру и засуну в мешок с лавром и корнем одуванчика быстрее, чем лев смог бы проглотить мышь.

Лис фыркнул и плюнул в меня, словно капризный ребёнок, но, потратив ещё какое-то время на сопение да ворчание и сообразив, что я не выпущу его шею из рук, ответил с уязвлённой гордостью:

– Ты, девчонка, не должна... трогать меня, ты не должна... набрасываться на меня или задавать мне... вопросы. Так нельзя! Но ты притронулась к Кобыле, а это тоже запрещено. Я лишь могу надеяться, что боль от её укуса была невероятной. Она стерпела прикосновение твоих рук. Мерзость! Они такие грязные, ты такая грязная и тёмная, и ты прикоснулась к ней, прикоснулась ко мне!

Я осторожно отпустила его и отодвинулась, а он, разъярённый, начал тереть нос и шею и отчаянными движениями розового язычка мыть свою шерсть. Я улыбнулась, изображая храбрость, и кивнула, демонстрируя мнимую уверенность в своих силах.

– Лис, думаю, я вела себя хорошо и достаточно настрадалась, чтобы узнать, зачем я здесь.

Лис издевательски ухнул. Этот звук не слишком вязался с его изящной красно-коричневой мордочкой.

– О, ты думаешь, что была... хорошей? Да? Ты думаешь, что страдала?! Ничего ты не знаешь, глупая коза. – Он встал на задние лапы. – Я Слуга Чёрной Кобылы. Ты мою мать... приласкала, дрянная девчонка. Она сотворила слова, но не говорит; она приносит мечты и видения, но не спит; она поглощает бурю, но ничего не знает о дожде или ветре. Я говорю за неё; я ей... принадлежу. Это не было испытанием, человеческое дитя; оно тебе ещё предстоит. Боль – не испытание. По мне, ты уже всё провалила: посмела тронуть ту, что несёт Луну в своём брюхе, ту, что ожеребилась Звёздами в Начале Мира. Но она стерпела твои нечистые руки на своём теле и благословила тебя своими священными зубами, так что где-то в тебе должно быть то, что родилось в ней.

Лис раздраженно потоптался на месте и уставился на меня с мольбой во взгляде.

– Зачем, ну зачем ты это сделала? Зачем тебе понадобилось гладить её, словно она твоя лошадь, твой домашний зверёк? Ох, мать моя, уж не собиралась ли ты на ней прокатиться?! Даже... даже я не удостоился разрешения прикоснуться к ней за все годы службы, ни разу... Ужасное дитя, почему ты не держала свои руки при себе?

Лис снова придвинулся ко мне. Превратившись в багровую вспышку, он жестоко полоснул меня когтями по левой груди, рассекая плоть, как спелую сливу. Я могла бы поклясться, что слёзы блестели в его чёрных глазках, золотой шерсти и усах.

– Вот тебе, – прорычал он, – это за твоё преступление: моя отметина. Я Слуга! Я иду подле Кобылы; я пил её молоко и охотился с нею! Я жевал маленькие Травинки-Звёзды сотнями и тысячами вместе с нею! И это я не буду исцелять!

Теперь маленький зверь, поднявший шерсть дыбом, по-настоящему меня испугал; в темноте раздалось наше учащённое дыхание. Я прижала руку к новой ране, кровь сочилась сквозь сомкнутые пальцы. Лис будто пришел в себя, его шерсть улеглась.

– Я уже половину отпущенного тебе времени растратил, маленькая идиотка. – Он возвращался к ритуалу, сверкая глазами. – Но ты не пройдёшь испытания, так что вряд ли это важно. Иди вперёд, дитя мерзости, во вторую пещеру, что зовётся Пещерой Волков, а оттуда – в Пещеру Семи Спящих. Там и ждёт тебя испытание. Пройди три пещеры и стань взрослой женщиной. Или умри в одной из них. Помни, боль – не испытание. Знаний недостаточно. Многие были здесь до тебя, малышка, и никто из них никогда не рассказывал о том, через что прошел. Это запрещено. Ты можешь взять с собой только собственное тело, мешок останется здесь. Иди, с тобой благословение Кобылы. И исполни свой долг, если негодница вроде тебя на такое вообще способна.

Лис ещё раз клацнул острыми как иголки зубами в моём направлении и, направившись к дальнему концу пещеры, прошел сквозь каменную стену и исчез, будто его и не было. Из раны ещё шла кровь; хотя немного листьев и порошков из моего мешка помогли, на платье осталось тёмное пятно. Я приладила волосы, встала, чуть увереннее держась на ногах, и попыталась разглядеть проход во вторую пещеру. Там, где исчез Лис, взмахнув красивым хвостом, у самого пола в скале появилась маленькая дыра цвета свежей крови. Мне с трудом удалось бы протиснуться сквозь неё. Я подошла ближе, внушая себе, что спокойна, как отблеск лунного света на перьях журавля.

Девочка говорила, держа большие глаза закрытыми, так что её веки и покрывавшая их мозаика казались тёмными лилиями на поверхности бледного пруда. К небесам летели изумрудные песни лягушек, и совы пели в мерцающих прибрежных зарослях, сидя на чёрных ветвях, укутанные в фиолетовое дыхание цветов палисандрового дерева. Голос рассказчицы становился то громче, то тише, в такт этим мелодичным звукам. Девочка отпила вина из фляги и провела пальцами по выгравированному на ней узору. Ветер шевельнул её волосы, как лепестки на поверхности воды.

Несмотря на отдых, её голос снова заставил мальчика погрузиться в неглубокий сон. История то и дело вторгалась в его разум, будто игла, за которой тянется шелковая нить. Его голова лежала у девочки на коленях, и она, продолжая рассказ, погладила его мягкие тёмные волосы – сначала робко, а затем с нарастающей нежностью. Звёзды в вышине горели, точно свечи во Дворце. Луна была высоко – полная, как парус на ветру; она спокойно продвигалась сквозь валы синих туч, рассекая их пенистую сапфировую плоть мерцающим плугом. Тени длинными минаретами упали на сады, дворы, лимонные деревья и оливы, акации и ползучие лозы, на бело-желтые, как кость, лилии и спящий Дворец. Голос девочки был словно шелест тростника на тёплом ветру, заблудившегося в лабиринте мощёных дорожек.

Сказка Бабушки (продолжение)

Я опустилась на корточки, втиснулась в дыру, и гладкая скала начала таять на глазах, становясь грязью, как лёд превращается в воду. Я, еле дыша, под гнётом скользкого камня ползла на животе, будто земляной червяк, а сверху на меня капала жидкая грязь. Я говорила себе, что грязь – это всего лишь грязь, что я её не боюсь и что любая дыра где-то заканчивается. Тем временем грязь забила мой рот и нос, залепила глаза. Я чувствовала вкус земли и не видела ничего вокруг.

Но я выбралась – в конце концов мы всегда выбираемся – на другую сторону, ещё в одну пещеру с таким же земляным полом. Было слишком темно, чтобы разглядеть, где она заканчивается, но скальные стены сужались кверху, превращаясь в узкую щель, сквозь которую лился лунный свет, и откуда-то издалека доносились отголоски ласкового дождя.

Я должна была всё понять в тот самый момент, когда мои ноги коснулись пола. Я слышала бурю, разразившуюся ужасно далеко; как с толстых сосновых иголок падают капли, трава пьёт воду, грибы всасывают её и мхи пропитываются ею. Серебристый, слегка мерцающий отблеск дождя на сочных зелёных листьях и липкий запах отсыревших, гниющих цветов звучали в моих ушах, как бубенчики на лошадином седле. Но круп небесной кобылы, видимый через отверстие в потолке пещеры, был чист и полон ярких суровых звёзд.

Дождь не тревожил небо надо мной, потому что шел где-то очень далеко. Но мои уши и нос чуяли его, как лезвие ощущает молот, высекающий искры. Я быстро обежала полутёмное помещение, изучая его и пытаясь вынюхать испытание до того, как оно бросится на меня из засады. Я должна была всё понять... Но тыкать влажным носом в дальние углы пещеры казалось столь же естественным, как и передвигаться лёгким галопом, вздыбливать шерсть и щёлкать челюстями в темноте.

Я искала вторую дверь, но её не оказалось, хотя часть обращенной ко мне скалы была на удивление отполированной и имела глубокий янтарный цвет; в ней отражалось помещение, залитое лунным светом, и я сама. Я увидела нечто серо-белое, когда проходила мимо, и резко остановилась: сердце трепыхнулось в груди, комок подступил к горлу. Это было мое отражение в камне.

С блестящей стены пещеры на меня глядел очень большой и красивый серый волк. Длинные косматые уши подёргивались, язык вывалился между пугающе свирепыми зубами. Мои чёрные глаза поблескивали, а шерсть была цвета теней, отбрасываемых на воду луной, – цвета звёзд, всех оттенков мерцающего бледного серебра, от камня до снега, – от сильных ног до кончика моего необычайно длинного и горделивого хвоста, который с величественной тяжестью опускался на земляной пол.

В общем и целом, внученька, выглядела я прекрасно. Я завывала, чтобы услышать свой голос, который отразился от стен, будто стрела от зелёного дерева. Он был такой громкий, что я подпрыгнула от неожиданности. Но, кроме меня, вокруг по-прежнему никого не было. Я прошлась туда-сюда, словно раньше мне не приходилось передвигаться всего на двух ногах. Казалось, нет ничего более естественного, чем моя новая пружинистая поступь, умение держать равновесие с помощью хвоста, прикосновение цепких когтей к незаметным корням и камням. Быстрый глухой перестук новых лап отправил в небытие смешные воспоминания о том, что я когда-то была девчонкой и спала в мягкой постели. Мои мысли стали волчьими, меня обуяло желание вырваться в ночь, на охоту, припустить на сильных лапах через поля. Мою душу заполнили воспоминания о том, как я со всех ног бегу по пушистому снегу со своей стаей, выкармливаю красивых серых щенков в тёплом логове, выслеживаю зайцев и оленей в зелёных горах, забираюсь на фермы, где полным-полно жирных свиней и беспомощных весенних ягнят. Я была безмолвной и свирепой, знать не знала о бесконечных подметаниях пола в хижине и чистке очага. Вообще, что такое «хижина»? И что такое «очаг»? Я с большим трудом вспоминала собственное имя, а потом – то, что оно у меня когда-то было и что значит «имя». Я будто погрузилась в сон, накрывшись тёплым одеялом, которым стало волчье тело. Ведь я устала, понимаешь, так устала...

Ты должна понять, Нож моего сердца: случившееся со мной изменило не только тело, но и разум; это поглотило меня без остатка, вобрало в себя.

Ночь всё длилась и длилась, но ничего не происходило. Поэтому я, свернувшись в клубок мерцающей шерсти посреди пещеры, уснула, затерялась в черноте бесконечной ночи и снах, где я охотилась и ела, всё время ела.

Вспоминая об этом теперь, я думаю, что вряд ли спала – волкам нет нужны слишком долго дрыхнуть. Я проснулась внезапно, хотя ни один звук меня не потревожил, и увидела три высокие фигуры на почтительном расстоянии.

Первой стояла белая волчица со скошенными ушами и нежными глазами цвета дождя. Её мерцающая шерсть была синеватой, как новая луна среди заснеженных ветвей, хвост медленно колыхался, словно поток льда, рисуя узоры на земляном полу.

Вторым был волк – чёрный как ночь в разгар зимы, с глазами, подобными грозовым тучам, в которых сверкают молнии, с шерстью густой и темной, словно глубины горного озера.

Третья блистала всеми оттенками золота, как я – всеми оттенками серебра, от белизны яростного огня до тёмной бронзы; цвета перетекали, сливаясь друг с другом, точно жидкое пламя. Даже в её глазах искрилось и мерцало золото.

Во рту у меня совсем пересохло, я даже сглотнуть не могла. Понадобилась вся моя новообретённая волчья сущность, чтобы не ринуться прочь от страшных ликов. Я боролась, цепляясь за остатки разума и своё человеческое «я», погребённое под внешностью волка.

Фигуры заговорили в унисон, их удлинённые морды выговаривали слова странно, но красиво, с какой-то рычащей нежностью:

– Добро пожаловать, юная псица. Кого из нас ты выберешь?

Я попыталась заговорить, но не смогла: лишь заикалась, задыхалась и взвизгивала. Моя шелковистая морда с кинжальными зубами не смогла изречь ни слова, а серебристый лоб покрылся морщинами от усилий.

– Дитя, – сказала белая волчица, и голос её был ветром с гор, доброжелательным и сладким, – ты должна выбрать. Если не можешь говорить, подойди к одной из нас и прикоснись к шерсти носом. Мы ведь волки и не слишком высоко ценим слова.

– Она не понимает, сестра, – вмешался чёрный волк, и говорил он так, словно рубил молодые деревца бронзовым топором. Он обратился ко мне раздраженный и горделивый взгляд и произнёс так медленно, словно я была очень тупой и упрямой лошадьёю: – Проводник, юная псица. Ты должна выбрать одного из нас своим проводником. Ты должна знать, как делать такие вещи.

Чёрный зверь фыркнул – ему явно было скучно продолжать.

Эти двое, белая волчица и чёрный волк, были высокими и страшными. Третья фигура, излучавшая мягкое мерцание золота, молчала. Лишь её хвост лениво покачивался из стороны в сторону, спокойные глаза походили на драгоценные луны. Я подошла к ней и прижала влажный нос к её шее, словно уткнулась в поле нарциссов. Её шерсть пахла хорошо и сладко, больше я ни о чём не могла думать... Она пахла правильно, а в запахе, как ни крути, вся суть. Клянусь, она мне улыбнулась! Когда я отстранилась от её тёплого душистого тела, двое других исчезли. Она посмотрела на меня – её глаза напоминали ячейки медовых сот, – потом её взгляд скользнул мимо, туда, где исчезли собратья по стае.

– Знаешь, мы ведь совсем заблудились, – прошептала она.

Я не понимала – могла ли я догадаться, о чём она говорит? – но ткнулась в неё мордой, желая подбодрить, и закрыла глаза, купаясь в приятном запахе. В горле у неё родилось рычание, но не угрожающее, а то, каким приветствуют щенков, и всё мое тело завибрировало в унисон ему.

– Мы и не думали, что так заблудимся...

Сказка Волчицы

Ступая по первой траве в начале времён, мы сжигали её, даже если пытались идти как можно легче. Она исчезала в чередё вспышек белого пламени, и нам делалось страшно от того, что мы могли сотворить с этим местом. Мы старались ступать только по камням – немым и мёртвым, понимаешь? И по немой, мёртвой траве, но не по живым травинкам и камням, которые... Ох, не имеет значения. Наши ноги убивали всё, к чему прикасались, и мы съёживались от страха перед пожарами, которые не могли погасить.

Но то ли трава стала сильнее, то ли мы ослабели, вскоре от нас начали оставаться лишь горелые отпечатки. Да, чёрные и уродливые, но мы уже не вершили всеожжение на своём пути и принялись исследовать мир, который оставила Кобыла, покинув небо.

Я была молода, как и все. Мы дали имена всему и назвали самих себя. Пчела-Звезда, маленькая и яркая, счастливее любого из нас – этой солнечная искорке ни разу не довелось убить траву или камень на своём пути, – назвала меня Лиульфур³, и, когда она жужжала над моим ухом, я слышала своё имя в шуме её крыльев.

Всё оказалось сложнее, чем можно было бы предположить. Нас было много, а их ещё больше. Настоящие дети Кобылы, явившиеся из её тела в лунной первородной смазке и небесной слюне, куда более необузданные и многочисленные, чем мы. Мы ведь как-никак – просто дыры, наполненные светом, в потаённых глубинах души обеспокоенные тем, что нас породил случай, что мы не более чем лужи, которые встали и дали друг другу имена, а родиться по-настоящему должны были только создания, лишённые света, которым под силу ступать легко, так легко!

И поэтому мы следили за ними: шли следом и пытались им подражать. Некоторые из нас были похожи на них – дыры в форме людей, животных, растений, инструментов и камней, – и естественным образом нас тянуло к тем, с кем имелось нечто общее. Но, кроме всего прочего, мы пытались подражать мужчинам и женщинам, казавшимся самыми преднамеренными из всех вещей, порождённых Кобылой, которые умели говорить и давать имена, возделывать землю и топтать её, точь-в-точь как мы.

³ Лиульфур (Liulfr) – старонорвежское имя, в переводе означающее «волк».

Однако они боялись нас, того, как мы горели и сжигали всё хорошее и красивое, называли нас призраками и даже хуже. Но мы не могли их покинуть – ведь они побывали внутри Кобылы, а мы не знали, каково это, и какой она была под рёбрами, под сердцем. Мы хотели узнать, желали в её отсутствие любить то, что являлось её частью.

И да, мы видели, как наш свет уходит к ним, к людям, растениям, инструментам и камням, потому многие из нас покинули их, стали жить в общинах среди себе подобных – Розы-Звёзды с Пчёлами-Звёздами, Черви-Звёзды с Улитками-Звёздами, – намереваясь остаться в целостности и сохранности.

Но некоторые из нас плелись за людьми, как побитая собака за жестоким хозяином, и старались походить на них. Ибо мы совершили открытие сродни тому, какое сделали они, когда научились засеивать часть поля, а часть оставлять под паром. Мы узнали, что, даже если нас выгрызли в какой-то определённой форме, это не значит, что её следует сохранять. В первый раз стряхивать форму, которую нам придала нам мать, больно, но со временем становится легче. Это было нашим главным умением, и мы продолжали учиться. Мы были детьми и играли с миром, как с кубиками и куклами. Однако наши братья и сёстры не хотели играть. Поэтому Маникарника постигла роковая участь, и мы узнали, что способны на вещь, которая значительнее и ужаснее смены одной шкуры на другую.

Хотела бы я сказать, что знала их. И я знала – в том смысле, в каком троюродные братья и сёстры в большой семье знают друг друга, – совсем чуть-чуть. Они были другими – Камни-Звёзды, – а я была Волчицей-Звездой. И они обратились в женщин, в то время как я после нескольких экспериментов упрямо держалась за лапы и хвост, данные мне матерью.

Среди нас нет того, кто не знал бы эту историю.

Маникарника – это семь сестёр. Когда Кобыла выгрызла их из своей плоти, они были Камнями: Нефрит, Гранит и Опал, Гранат, Сланец и Железняк, а также маленькая Алмаз, бледная, как лапа, окунувшаяся в молоко.

Они пришли в ужас, катясь и грохоча по мёртвым скалами, сожгли их, расплавили, превратили в блестящие реки жидкой лавы. Научившись ходить на двух ногах, сёстры избегали гор, как болезни, отказываясь причинять вред тому, что походило на их первые тела. Я рассказываю тебе это, чтобы ты поняла их нежность, чтобы знала – пламя было не тем, чего хотели мои соплеменники. Но, видишь ли, одни несчастные случаи влекут за собой другие. Мы ничего не могли с этим поделать. И они ничего не могли с этим поделать.

После того как первые из нас начали тускнеть, отправились в ссылку за болота и холмы, Маникарника остались. Они не берегли свой свет и преисполнились решимости показать нам, что можно жить в мире, сотворённом Кобылой, что он предназначен для нас, как и для её истинных детей.

Чтобы это доказать, сёстры отправились в поселения людей и попросили приюта, как нищенки, одетые в лохмотья и без гроша в кармане. Они были уверены, что их примут, и мы увидим, как второе потомство Кобылы назовёт нас сёстрами, братьями и женами, первые породнятся со вторыми. Конечно, сёстры ещё излучали сияние, но кто откажет красивой девушке, у которой только и есть, что ветхое платье, даже если она ярко светится? Кто откажет семерым?

Первый дом, к которому пришли Маникарника, был дворцом Короля – таким, какими были дворцы в те дни: большой глинобитной хижинкой на холме, чуть повыше других глинобитных хижин. Король послал своих людей узнать, что за шум у дверей, и они обнаружили там полураздетых Нефрит, Гранит и Опал, чья кожа сияла разными цветами; Гранат, красную, точно залившуюся румянцем; Сланец и Железняк, серебристо мерцавших, как поверхность воды, и малышку Алмаз, бледную и нежную, как тончайшая нить в паутине. Сёстры жались друг к другу, робко просили пустить их за стены из глиняных кирпичей, накормить и одеть, полюбить.

Увидев странный свет, люди Короля содрогнулись и заперли деревянные ворота на засов. Маникарника это не смутило, они направились к скоплению маленьких глинобитных хижин, где постучали в двери бедной вдовы. Конечно – муж умер, дети выросли, она примет их и назовёт дочерями. Старая вдова отперла обитую шкурой дверь и увидела Нефрит, Гранит и Опал с гладкими, отполированными руками; Гранат с острыми локотками; тёмных и блестящих Сланец и Железняк да малышку Алмаз, чистую, словно утро. Сёстры приникли друг к другу, смиренно прося убежища от ночного холода, супа, тёплых рук и ласковых слов.

Увидев странный свет, вдова содрогнулась, начала плакать о тех, кого потеряла, и, не переставая лить слёзы, заперла обитую шкурой дверь, оставив странных гостей за порогом. Но сёстры не сдались. Они покинули посёлок из глинобитных хижин и отправились к людям с волосами цвета глины, которые передвигались с места на место, странствовали по открытым степям в фургонах, запряженных лошадьми, и на санях. Они подошли к одному из шатров, ничем не отличавшемуся от других, и призвали девушку, которая там жила. Прижимая к себе новорожденное дитя, девушка откинула полог шатра и увидела Нефрит, Гранит и Опал, прохладных, как обдуваемый ветром снег; Гранат, жаркую, как раскалившийся на солнце песок; Сланец и Железняк, которые замёрзли так, что пальцы почернели, да малышку Алмаз, светлую и сладкую, как дождь. Маникарника опирались друг на друга, вконец измученные, и просили дать им приют, укутать в шкуры и напоить молоком.

Девушка рассмеялась и сказала, что у неё есть много всего, чем можно поделиться. Улыбки сестёр были подобны семи рассветам, и они, обрадованные, устроились на ночлег рядом с кочевницей, прямо на полу простого шатра. И были они счастливы, и земля под ними лишь самую малость потемнела от того, что на неё давил их свет.

К утру все они оказались мертвы.

Сказка Ведьмы (продолжение)

Пыль и солома покрывали сырой пол темницы, и ни один косою осколок света не рассёк тьму. Тишину нарушал звук воды, падавшей капля за каплей с влажного потолка на влажный пол. Я не заметила, как под дверь протолкнули ошмётки незнакомого мяса и коричневую болотную воду – я ничего не слышала, кроме бабушкиного голоса. Она положила иссохшую руку мне на голову, поглаживая густые волосы с нежностью, отточенной на десятках детей. Я подняла глаза, высматривая среди густых теней её потрескавшиеся губы и изрезанное морщинами лицо; свернулась клубочком у бабушки на коленях, пытаюсь прикрыть своим изношенным платьем, превратившимся в лохмотья, её болезненно худые ноги. Она улыбнулась, глядя на меня сверху вниз, отбросила ткань, словно та ничего для неё не значила, и, хотя губы были рассечены и покрыты пятнами запёкшейся крови, её лицо светилось, как праздничный фонарь. Я мечтала быть такой же храброй, как она, чтобы неведомая сила, полученная ею в пещере, стала и моей силой.

Я принесла помятый ковшик с грязной водой, что стоял у двери, старясь весело ухаживать за бабушкой, как было когда-то. Но она отказалась и руками, покрытыми синяками и ссадинами, оставленными теми, кто притащил её сюда, принялась развязывать кожаные узлы на своём одеянии, пока не смогла стянуть грязную ткань с плеча. На коричневой коже, будто ядовитая змея, извивался длинный шрам – свидетельство того, как нечто пронзило и изувечило её плоть. Я не могла глаз от него оторвать.

– Чтобы ты знала, что я рассказываю правду, – сказала она, хихикнув, и снова завязала платье.

– Я... я и не сомневалась...

Бабушка легонько коснулась моей щеки:

– Нет-нет, конечно, ты не сомневалась. Ты всегда была хорошей девушкой. Вот видишь, я нарушила своё слово, не подчинилась Лису и рассказываю тебе всё, что должна была держать в секрете, как тайну появления зеленоглазого малыша в доме мужчины с карими глазами. Но меня никогда особо не заботило, что думало это старое красное чудище. И знаешь, теперь Кобыла является мне во сне: я езжу на ней верхом, она несёт меня по побелевшим степям, и жаркое солнце золотит наши спины.

Бабушка не договорила, но я почувствовала нутром, что ко мне Кобыла никогда не придёт, и мои бёдра не ощутят прикосновения её шкуры.

Согнутый Лук кашлянула – звук был такой, словно стрела ударилась в дерево.

– Прости, малышка Нож, я могла бы сейчас укачивать тебя в своих объятиях, напевая песни наших матерей. Но ты обязательно должна узнать, что мне пришлось вынести в пещере. Мы обе знаем, что тебе не суждено пройти эти испытания. Никто не подведёт тебя к пасти пещеры, не поцелует и не назовёт своей лучшей, самой красивой козочкой. Никто не заберёт тебя, дрожащую и трясущуюся, домой, когда всё закончится, и не укроет грубым одеялом. У тебя и у ребёнка, которого ты носишь, такого маленького, словно подёнка над стоячей водой, никого нет. Вместо сладкого воссоединения со своей старой бабушкой ты получаешь урок, тебе стоит его усвоить, и как следует.

У меня перехватило дыхание, будто в пересохшее горло попал клочок свежей шерсти. Я не знала, что моё чрево приняло дитя из тела моего мужа до того, как он умер. Но я в тот же миг поняла, что она права. Мне с трудом удавалось сохранять спокойствие. Дрожа, я прошептала:

– Я слушаю, бабушка. Я иду за тобой, читая твои следы.

Её морщинистые веки сомкнулись, и, когда она снова начала говорить, они подрагивали, словно маленькие волки прыгали под её кожей.

Сказка Волчицы (продолжение)

Лагерь кочевников проснулся от криков юной девушки. Мужчины вбежали в её шатёр и увидели, что она, всхлипывая, прижимает к себе ребёнка, и её покрывает свет. Свет капал с её волос, струился по переносице, стекал по мочкам ушей. Он каплями затекал ей в рот, пятнал лоб ребёнка, собирался чахлой лужицей между её грудями. Бледный и яркий, как белки девичьих глаз, он намочил подол её платья из шкур... Свет пятнами покрывал стены и превратил земляной пол шатра в мерцающую хлюпающую грязь.

Вокруг девушки лежали семь каменных тел, которые не мерцали, не светились, не сияли.

Нефрит, Гранит и Опал, тёмные и полые, как трухлявые деревья; Гранат, пустая и пересохшая; Сланец и Железняк, бледные, как бумага, да малышка Алмаз – от неё осталась лишь оболочка цикады, хрустальная, чистая и пустая внутри, лишенная даже мёртвых костей.

Заливаясь слезами, девушка рассказала, что под покровом темноты пришли люди Короля. Они знали, какие гости постучались к ней днём, сочли это странным и опасным. Пока убивали бедных сестёр, ей заломили руки за спину. Маникарника даже не кричали, когда из них вытекал свет – брызги света, точно кровь, летели во все стороны; на лицо девушки упали тёплые капли, она ощутила их вкус, вкус сладкой воды и клевера. Люди Короля перерезали горло Звёздам и ушли, а девушка пыталась зажимать раны, но их было слишком много, а она была слишком слаба. Разве кто-то мог знать, как исцелить создание, истекающее светом, точно кровью?

Люди племени испугались и не знали, что делать. Они смыли свет с бедной девушки и отнесли семь каменных тел в поле, где росли маки, совершили известные им погребальные обряды.

Так Звёзды узнали, что могут умирать. Это наше самое значительное умение. Последние из нас покинули мир, спрятались в расщелинах и тайных норах, будто испуганные кролики.

Через некоторое время девушка и её черноглазое дитя посмотрели на небо сквозь отверстия во всё ещё мокром потолке шатра и заметили новые звёзды – их было семь, и они прильнули друг к другу, как сёстры.

Сказка Бабушки (продолжение)

Лиульфур Волчица-Звезда не шевельнула ни одним мускулом под золотой шкурой, пока говорила. Её голос не стал ни громче, ни тише. Она просто смотрела куда-то вперёд.

– Мы не знаем, куда они уходят – те, кто умирает. Куда все мы уходим. Тела остаются здесь, и новые звёзды появляются в небе, но где они сами?

Что я могла сказать, чтобы успокоить её?

– Бедная девушка-кочевница чуть не утонула в свете, излившемся из семи тел. Она и ребёнок наглотались света, до них никто не получал его в таком количестве. Свет едва не свёл с ума её детей и внуков, и они один за другим принялись искать нас, хотя в каждом из них сияния Маникарника оставалось всё меньше. Они наступали как упрямый прилив, и вот пришла твоя очередь – ты стоишь в самом конце цепи из внучек, которые словно передают из рук в руки ведро с водой. Всякий раз немного проливается на землю. – Она покачала большой лохматой головой. – Мы больше не избегаем вас. К нам будто возвращаются наши кузины.

Стена из полированного кварца, в которой я впервые увидела свой волчий облик, медленно растворилась, открыв длинный туннель, уходящий в черноту. Волчица вздохнула с усталой покорностью и нежно подтолкнула меня носом, как мать, которая показывает детёнышу дорогу к свежей воде. Наши сияющие тела слились и канули во тьму за стеной.

Лиульфур тихонько шла впереди меня, её лапы ступали уверенно и прямо. Она мерцала, точно медная лампа. Туннель был длиннее предыдущего и такой чёрный, что я едва подавила отчаянный возглас, впервые заглянув в него. В какой-то момент нам пришлось пробираться сквозь скалу на брюхе, чувствуя себя куском хлеба, застрявшим в длинной глотке; наши передние лапы загребали землю, а задние болели от того, что их было невозможно выпрямить.

Наконец скалистая глотка превратилась в комнату с высоким потолком, до самых дальних углов залитую светом – безупречно чистым, ярче дневного, будто кто-то растёр в руках солнце, превратившееся в мыло. Перемена оказалась столь внезапной, что я почти ослепла. В центре свечения находилась звезда, похожая на волка и испускающая нежное сияние.

Пещера оказалась не пустой: семь погребальных носилок были расставлены по кругу, и на каждой лежала женщина, спящая или мёртвая; семь пар тонких рук скрестились на семи бездыханных грудях. Волосы усопших ниспадали с носилок, будто росли тысячу лет; вокруг их тел лежали груды драгоценных камней, точно горы яблок в сезон урожая, превосходящие всё, что мне доводилось видеть ранее. Бесчисленное множество нефритов, гранитных осколков, опалов, ярких как кровь гранатов, кусков сланца и железной руды, а также маленьких алмазов, блестевших как снег.

В Саду

Проснувшись, мальчик начал медленно обкусывать яблочный огрызок, будто зачарованный. Перед его мысленным взором бежали и нюхали ветер грациозные волки. Он потянулся, зевнул и вытащил из мешка роскошное красное одеяло, отделанное золотом и расшитое лилиями; завернулся в него и осторожно придвинулся к девочке, словно к пугливому жеребёнку. Они укрылись в алом шалаше, и девочка опустила ресницы, когда рука мальчика, потянувшись за флягой с водой, чтобы забрать её внутрь, задела девичье колено. Они были очень близко; он вдыхал мускусный аромат её волос, запах кедра и жасмина.

Сквозь тонкий навес из листьев пробились первые лучи рассвета, синеватые и яркие, расцветив кожу детей розовыми и серебряными тенями.

На рассвете мир, укрытый мерцающей сетью тумана, выглядит очень спокойным. Мальчик и девочка, уже почти расставшиеся с детством, прятались в маленькой роще, им было тепло и сухо, а голос девочки сделался тихим, точно поступь кошачьих лап среди сосновых иголок. Юное солнце мерцающей ангельской рукой отбросило волосы со лба мальчика. Он не отодвинулся от девочки. Однако близился восход, и его сестра должна была проснуться – её лицо уподобилось бы буре при виде его пустой постели.

– Мне пора, – проговорил наконец мальчик. – Надо вернуться, пока дома все ещё спят.

Девочка кивнула, и к ней вернулась прежняя робость – она вновь ушла в себя, хотя целую ночь разматывала собственную душу, как кудель, превращая солому в золото.

– Но я вернусь, – заверил он, – как возвращаются на закате стаи речных птиц. Я принесу ужин, и ты расскажешь мне, чем всё закончилось в той пещере.

Мальчик тронул её щёку – прикосновение было мягким, точно заячья лапка. Девочка спрятала улыбку под его ладонью и кивнула. Она обратила на него взгляд блестящих глаз и на миг опустила длинные ресницы, продемонстрировав клубящуюся черноту родимых пятен, покрывающих веки, пугающих и тёмных, словно беззвёздная ночь. Мальчик отметил, что теперь, после короткого знакомства, они не кажутся ему некрасивыми. Он чуть опустил взъерошенную золотую голову, чтобы встретить её взгляд, как только она вновь откроет глаза.

– Я буду приходить каждый вечер, чтобы слушать твои истории. Каждый вечер, – негромко произнес мальчик и убежал туда, где туман полосами стелился по Саду, путаясь в зарослях жасмина и астр, блуждая среди яблонь.

Девочка склонилась к остаткам их вечерней трапезы и собрала хлебные крошки, чтобы покормить ворон и чаек. Потом она выбралась из своей маленькой беседки, стряхнув несколько лепестков, запутавшихся в волосах, и попала под ливень красно-золотых солнечных лучей.

Когда светило отправилось почивать на западе и укрылось длинными синими одеялами, девочка сидела, скрестив ноги, под жасминовыми ветвями цвета серебра и лаванды и смотрела, как нетерпеливая тень мальчика несётся к ней через пышную изумрудную лужайку. Он ворвался в её заросли, деловито разложил ужин. Она была уверена, что он не придёт.

Мальчик принёс тёмный хлеб и бледно-желтый сыр, кусок жареного ягнёнка и горстку ягод, чуть не лопавшихся от сока, несколько маленьких печеных картофелин, холодное зелёное яблоко и кусочек драгоценного, как мирра, шоколада.

– Я подумал, этим вечером обойдёмся без вина, иначе я опять провалюсь в сон, – застенчиво признался он, протягивая ей флягу с водой.

– Нет-нет, всё хорошо. Того, что ты принёс, более чем достаточно, – заверила его девочка с нервным смешком.

Они занялись едой и молчали, хотя мальчик жаждал услышать продолжение сказки, как медведь – выудить лосося из бурливой реки. Пока девочка ела, её лицо светлело, будто она была маленьким солнцем, восходившим в то время, как большое и золотое светило опускалось за горизонт.

– Как ты прожила все эти годы в Саду? – спросил мальчик и откусил большой кусок яблока.

Девочка огляделась.

– У Султана достаточно фруктовых деревьев, чтобы один ребёнок мог прокормиться, а вода в фонтанах прозрачная и чистая. У меня всего вдоволь. Дворец выбрасывает больше, чем я когда-нибудь смогу использовать. Иной раз даже старые платья амир⁴ попадают на свалку. А суровыми зимами птицы приносили мне мышей и кроликов. Обо мне заботятся. Сад взрастил меня; он мне мать и отец, а родители всегда придумают, как накормить и одеть ребёнка.

– Птицы?.. – недоверчиво проговорил мальчик.

Она пожала плечами.

– Все существа одиноки. Их тянет ко мне, а меня тянет к ним, и мы согреваем друг друга, когда вокруг снег. Ты знаешь это не хуже меня – ведь тебя тоже тянуло, верно? И я кормлю тебя историями, как кусочками мяса, поджаренными на огне.

Мальчик сильно покраснел и отвёл глаза. Они закончили трапезу в молчании.

Наконец, когда ягнёнка и фрукты съели, сладкую воду выпили и каждый нашел для себя удобное местечко в цветочных зарослях, чтобы было на что опереться и иметь возможность заговорщически наклониться друг к другу, девочка продолжила рассказ. Её голос наполнил мальчика, как сливки наполняют серебряную миску.

Сказка Бабушки (продолжение)

Тишину нарушил шорох среди длинных недвижных теней позади последнего из семи тел – моя безмолвная проводница шевельнула красивым хвостом.

– Мы нашли их на поле, где было много маков и отсыревшей пшеницы, и принесли сюда. Они совсем ничего не весили, как мотыльки. Здесь, где мой тёмный брат, моя бледная сестра и ещё кое-кто нашёл убежище, мы их и храним. Что нам ещё делать? У нас нет ни кладбищ, ни ритуалов, ни песен, ни костров. Нам остались лишь их оболочки, и, как с ними поступить, мы просто не знали. – Лиульфур понюхала искрящееся острыми гранями лицо той, что утопала в алмазах. Её голос был невнятным шепотом, словно доносился сквозь слой мокрой шерсти. – Когда мы умираем, наверху вспыхивают новые звёзды, но это лишь памятные огни – не они. Это не могут быть они. Мы не знаем, куда они ушли. Погляди на небо, девочка: это мавзолей, и все новые яркие огни – просто могилы, их там нет. Однако здесь их тоже нет.

Волчица-Звезда уставилась на меня своими желтыми глазами. Я протрусилась через всю комнату и тяжело опустилась рядом с бледной мёртвой девушкой, что когда-то была драгоценным камнем. Я сомневалась, что понимаю, чего от меня ждут. Было очень тепло, свет тёрся о мои ляжки и лениво водил носом по моей шерсти. Стекланная рана на шее алмазной женщины будто росла под моим взглядом, как второй рот, растянутый в ужасной улыбке ниже первого. Я понюхала её – она была не тёплая и не холодная, но твёрдая – совсем не такая, какой должна быть плоть.

⁴ Амира (араб. – амирах) – принцесса или княжна.

Под моей серебристой шерстью заныла рана, которую нанесла Кобыла, и другая, поменьше, оставленная Лисом; кольнула точно быстрый укус осы. Лиульфур просто глядела на меня, явно не собираясь помогать. Значит, это и есть моё испытание. Я встала и попыталась вскарабкаться на бедную девушку, но мои лапы разъезжались на скользкой горе драгоценных камней. Я приложила морду к своей груди и принялась терзать место между ранами, так что струнья отошли, и они соединились в одну длинную и глубокую рану: дыру, прогрызенную в плоти, укус, с которого начался мир.

Сначала потекла тёмная страшная кровь, меня замутило – в тесной, тёмной комнате стало так жарко! Кровь хлынула в пустой труп, словно чернила, пролитые на зеркало. Но через какое-то время кровь посветлела, а затем и вовсе превратилась в поток нежного света, мягкого и душистого, как засахаренные груши на медном блюде, и очень холодного, цветом напоминавшего луну. Теряя сознание, я с трудом прижала истекающую кровью грудь к перерезанному горлу женщины.

Я думала, она проснётся. Правда так считала. Думала, она внезапно сделает судорожный вдох и закричит, её спина изогнётся, будто натянутый лук, глаза распахнутся, и раздастся кашель. Она будет с хрипом втягивать воздух, и все бриллианты со стуком посыплются на пол, когда женщина наконец вскочит, а её лицо будет сиять, точно утро.

Но она не зашевелилась. Свет каплями сочился из меня, и я видела, как он пузырится внутри неё, точно чашка воды, вылитая в глубокую ванну. Тени окутали комнату, и кровь, бывшая светом, замедлилась и остановилась.

Мёртвая женщина на погребальных носилках коснулась моей лапы.

И всё – она не открыла глаза, не села, не попросила воды. Просто четыре её пальца приподнялись и снова упали, придавив меня всей тяжестью камня. Я не успела даже вздохнуть.

Волчица-Звезда склонилась над нами.

– Мы всё время надеемся получить хоть какой-то ответ. Но они не просыпаются. Думаю, после стольких лет было бы странно и впрямь проснуться. – Лиульфур закрыла глаза и начала вылизывать меня, чистить рану по-волчьи; её длинный язык был жестким, словно болотный песок. С каждым прикосновением моё тело пульсировало и вибрировало, будто на нём играли, как на арфе. Я видела только золотую шерсть, мерцающую пламенем свечи, хотя чувствовала пальцы Камень-Звезды на моей шерсти, холодные и безжизненные. Она вылакала свет, как молоко, высосала его из дыры в Маникарника, ни капли не упустила.

Наконец она приложила свою длинную, шелковистую морду к моей косматой груди, сдавила мою плоть своими челюстями и прижала меня к алмазной девушке так, что зубы проткнули мою истерзанную кожу.

Словно лопнула бочка с вином, и её содержимое хлынуло в меня – свет и кровь полились из челюстей прямоком в мои жилы, вдвое ярче и ужаснее, чем раньше, и необузданной волной прошлись по всему телу, отозвались в костях, величественным неумолимым приливом заполнили меня, как вода заполняет меха. Я утонула в этом свете из волчьей пасти и алмазной сути, побывавшем в моём теле и теле Звезды, старом и невыразимом, как небо. Я поперхнулась, застонала, даже попыталась закричать, а она всё продолжала наполнять меня светом... Менять свет, внучка, дело не из лёгких: всё равно что закатить валун на гору или одну гору на другую. Она вскрывала, наполняла, зашивала и снова вскрывала меня. Не знаю, сколько часов я лежала там, беспомощно дрожа. Тусклый и блёклый свет, что был во мне, они забирали и возвращали его сверкающим сильнее, чем что бы то ни было.

Когда я наконец почувствовала, что челюсти Волчицы отпустили меня, встрепенулась, будто очнувшись от сна, и внутри меня что-то раскрылось, загудело, задрожало. Я почувствовала, что опять стала женщиной: пять пальцев на каждой руке, плоские и толстые зубы, длинные волосы до талии, точно кисть.

Лиульфур коснулась моего лица влажным носом.

– То, что мы тебе дали, твоё, но тебе не принадлежит. Мы не против, и всегда были не против, но у света есть свои границы. Ты должна понимать, что Звезда, которая его отдаёт, тускнеет. – Она закрыла глаза и прижалась к моей щеке. – Я давно встречаю здесь твоих матерей, как встретила тебя; я источник, к которому вы приходите; колодец, из которого вы пьёте.

Впервые Звезда показалась мне не такой яркой, как стены пещеры. Она была просто старой волчицей с проплешинами в шерсти, затуманенным взглядом и поседевшей мордой. Но потом она улыбнулась, как только может улыбаться волчица, и меня опять окружил её свет и тепло, которые были – или не были? – лишь самую малость слабее, чем раньше.

– Ты изменилась, когда вошла в пещеру. Мы сотворили это с тобой. Это великая магия, почти что... – она помедлила, бросив взгляд на женщину с бесцветными кудрями, – почти что самая великая из всех. Метаморфоз – самый сложный трюк. Получив свет от нас, а не от бабушек, прабабушек и далёких-далёких предков, от той бедной девушки в шатре, что прижимала ребёнка к груди, ты можешь быть хоть немного как мы, а изменять очертания дыры очень просто. – Волчица-Звезда сглотнула комок в горле. – В конце концов, дыра – всего лишь пустое пространство.

Выдержав паузу длиной в вечность, она отодвинулась, выпрямила спину и, глядя на меня сверху вниз, чётко проговорила, выталкивая слова из шелковистой морды:

– Но ты не одна из нас. Ты столкнёшься с необратимостью, превыше которой лишь смерть, изменится не только твоя плоть. Только самые сильные из вас могут устоять перед соблазнами новой формы; разум ленив, он естественным образом подражает телу. Я ни разу не видела, чтобы человек остался собой, надев другую шкуру. Ты, однако, вольна использовать этот дар по-своему, если он тебе понадобится.

Холодная чистая рука алмазной девушки отпустила мою, и жизни в ней было не больше, чем в обрывке бумаги, летающем посреди пустынной улицы. Не сказав ни слова, Волчица с золотой шкурой провела меня назад, через две двери, в величественную первую пещеру. Будто целый век прошел с тех пор, как я побывала там в зубах у Кобылы, которая проделала во мне свою дыру.

– Иди, Дочь Звезды. Тебе предстоит хорошо потрудиться.

Знаю, я не должна была этого делать, но не смогла удержаться. Я опустилась на колени и обхватила руками её мощную лохматую шею, зарылась лицом в её запах, запах кедра и влажной скалы, свежесвыпавшего снега.

– Ты ведь не знаешь, – прошептала я. – Может быть, новые Звёзды – не просто могильные камни. Может, они *и есть* Маникарника. Может, они отправились домой.

Лиульфур покачала головой, и по её шерсти побежали маленькие трескучие молнии. Её голос был тихим и мягким:

– Никто не ушел домой. Дыра – всего лишь пустое место. Мы получились случайно, и никто не сжалится над нами.

Волчица-Звезда подалась назад и легонько лизнула меня в щёку, а потом медленно двинулась прочь и исчезла раньше, чем дошла до дальней стены.

Выкарабкавшись в светлеющий мир, я болезненно зажмурилась от первых лучей расвета и тяжело опустилась на траву, придавленная усталостью, будто каменной стеной.

В нескольких футах от меня стоял Лис и хладнокровно наблюдал.

– Тот, кто заслужил провала, не удостоился его, – фыркнул он. – Тот, кто не заслужил ничего, получил целый мир. Вот он, женщина, мир. Иди к нему, но никогда не рассказывай о том, что здесь случилось. Это запрещено всем, кто обладает языком и может произносить слова. Мы хотим остаться неизвестными; мы выбрали это место, а подаренную силу можно утратить. Не думай, будто знаешь, на что я способен, или что ты мне ровня. Лиульфур отча-

ялась и состарилась. Наполненная дыра – не пустое место, и мы все были полны света. Ты – воровка и вампирша, и, будь всё по-моему, ты и твои дочери не получили бы ни капли нашей крови.

Солнце, на львиных лапах карабкавшееся вверх над зелёными холмами, осветило его шерсть, шерстинку за шерстинкой, пока он не сделался таким ярким, что стало больно смотреть. И тогда Лис исчез, а там, где он стоял, светило солнце.

За пределами Сада

Когда полночь укрыла двоих детей, будто синим крылом серафима, мальчик робко положил голову девочке на колени, позволяя её голосу баюкать себя. Он притворился, что не слышит, как у неё перехватывает дыхание, стоит ему пошевелиться, какая лёгкая дрожь появилась в её голосе, точно единственная неверно уложенная нить на вышитом бисером платье.

Но вскоре после того, как его голова коснулась грубой ткани её одеяния, раздался ужасный хруст – звук чьих-то шагов за пределами их маленького укрытия. Девочка издала жуткий высокий крик, точно журавль, в которого угодила серебряная стрела. Мальчик вскочил, выхватил свой жалкий маленький кинжал, намереваясь защищать свою секретную добычу. Но, когда призрачные руки раздвинули сладко пахнущие шипастые ветви, он увидел, что опасность серьёзнее любой Ведьмы или таинственного заклинания.

Перед ним, обрамлённое жасминовыми ветвями, возникло разгневанное лицо сестры, похожее на яростную мандалу⁵. Её глаза были полны обвинений, как свиток в руках судьи.

– Вот ты и попался, мерзкий крысёныш! – торжествующе прокаркала она. – Тебя накажут! Ты с демоницей миловался!

– Она не демон! – выпалил мальчик, не подумав. Динарзад⁶ была страшна, как распалённая львица. Девочка дышала сбивчиво и хрипло, не в силах пошевелиться. – Она не такая! Оставь нас в покое!

Что-то от волков и пещеры, должно быть, просочилось в него, как пролитые чернила, потому что раньше ему не хватало смелости так с ней разговаривать. Динарзад ворвалась в заросли, словно обезумевшая гарпия, – мальчик почти увидел, как из её кожи лезут перья, – и, схватив его за волосы, потащила прочь от плачущей девочки, хотя он пинался и сыпал проклятиями.

Мальчику показалось, что девочка прячется, как луна, ускользает за стену из кобальтовых туч. Из его мира утекал свет; он видел только её глаза, огромные и тёмные, как у лесной совы, и эти глаза следили за ним.

Когда они достигли ворот Сада, мальчик по-дикарски укусил сестру за надушенную руку, и она, остановившись, отвесила ему тяжелую пощёчину – такую сильную, что у него треснула губа, как перезрелая слива. Он сплюнул кровь на землю.

– Похоже, братец, ты вообразил себя взрослым, но взрослые люди не приближаются к зловредным демонам вроде неё. Хочешь, чтобы её проклятие перешло на всю семью? Избалованный щенок! Я буду пороть тебя до самого утра!

С дерзким видом, будто петух, кукарекающий на закате, мальчик заорал в ответ:

– Да! Да! Я щенок! Я волк с зубами как пиратские сабли, и я разорву тебя на столько же кусочков, сколько драгоценных камней у Султана в хранилище! Она не демон, я возвращаюсь к ней. Прямо сейчас.

Мальчик скрестил руки на юной груди и почувствовал прилив гордости, точно его омыло кровью Звезды. Но Динарзад вспыхнула. Её глаза потемнели, как две заплесневелые тюремные ямы, и она вцепилась в его руку, постепенно усиливая хватку.

– Нет, братец, ты никуда не пойдёшь.

⁵ Мандала (санскр. – круг, диск) – сакральное схематическое изображение либо конструкция, используемая в буддийских и индуистских религиозных практиках.

⁶ Динарзад (Дуньязада) – младшая сестра Шахерезады, с чьей просьбы (заранее обговоренной между сёстрами) начинается цикл историй «Тысяча и одна ночь».

Мальчик очнулся в тёмной и дурно пахнувшей темнице.

Динарзад держала по ребёнку в каждой руке, и близнецы дружно орали во всё горло. Это были королевские ясли, где мучительно вопили десятки младенцев, казавшиеся страшнее рогатых демонов у адских печей.

Динарзад была почти взрослой женщиной, готовой выйти замуж и покинуть дом. Она проводила свои вечера, ухаживая за дворцовыми младенцами, которыми правила рукой, что была крепче любого железа, выкованного смертными. Мстительная богиня! Ничто не могло оказаться выше её воли. Этим вечером Динарзад занималась самыми юными, а мальчик за своё преступление был прикован к её юбкам и этой гадкой комнате. Что, несомненно, хуже любой старой темницы в замке какого-нибудь короля. Не было никакой надежды на побег, пока сестра то и дело впивалась в него взглядом, точно клешнёй скорпиона.

Однако боги не всегда суровы к маленьким мальчикам. В дело вмешалась судьба в лице розовощёкого младенчика-принца, страдающего коликами. Не имея ни малейшего понятия о своих королевских обязанностях, бедный малыш настаивал на том, чтобы попасть на ручки к маме. Потому у Динарзад не было иного выхода, кроме как отнести ревущего ребёнка в соответствующую спальню.

– Если ты хотя бы переступишь с одной каменной плиты на другую, – предупредила она, – я буду держать тебя под замком до тех пор, пока не сгниёшь. Одного брата из десятков никто не хватится.

И Динарзад удалилась, волоча за собой многослойный шлейф из розового шелка.

Разумеется, мальчик выпрыгнул в северное окно уже спустя три удара сердца.

Беседка выглядела как поле битвы, во время которой с укреплений лили смолу, а отряды воинов крушили всё подряд. Белые цветы были изорваны в клочья и свисали со сломанных ветвей, точно крестьянские лохмотья. Их ужин разбросали повсюду, и мальчик увидел, что помял свою флягу для воды о кривой корень, когда Динарзад тащила его прочь. Больше всего его расстроили уничтоженные цветы, лепестки олеандра, втоптаннные в грязь. Место, где он услышал сказки, которые ещё горели внутри, точно масло в лампе, было разгромлено, как прекрасный дом, куда ворвались бандиты.

Девочки нигде не было видно.

Мальчик обыскал все тайные углы, какие знал в огромном Саду, проверил изгороди и розовые деревья, пруды с лилиями и завывающими лягушками-быками, оливковые рощицы и границы фруктовых садов. Девочка ушла, исчезла и забрала с собой все истории.

Мальчик тяжело опустился на бордюр бронзового фонтана, чья вода тихонько капала в ночи. Он уронил кудрявую голову на руки, упрекая себя за неосторожность, за то, что позволил обнаружить своё отсутствие и попался. Из него вышел никудышный вор и ещё худший защитник. «Но ведь принц Леандр тоже оказался в ловушке, – подумал он. – Так что, возможно, у меня ещё есть шанс на прощение».

Мальчик в отчаянии поднял глаза и увидел луну, плывшую по небу, как огромный бумажный фонарь. Когда облака её заслонили, дикий гусь пролетел по дуге над широким лунным лицом, оставив изящный след в ночи. Мальчик услышал его крик, одинокий и чуждый, точно голос нефритовой флейты, и глубоко вздохнул.

Гусиный крик повторился, на этот раз очень близко, и мальчик понял, что это не птица зовёт его, а темноглазая девочка, которая пряталась за юным кедром, росшим неподалёку. Его сердце подскочило, как утка, взлетающая с неподвижного пруда. Он подбежал и едва успел остановиться, не заключив её в свои юные объятия. Девочка выглядела робкой и смущённой, её тёмные глаза были опущены к земле.

– Как ты научилась подражать диким водяным птицам? – нетерпеливо спросил мальчик.

– Я тебе говорила, что кормила их и разговаривала с ними с тех пор, как была совсем ребёнком – никого другого рядом не было. Они... Зимними ночами, в лютый холод они раскрывают надо мной свои крылья, и мы вместе отдыхаем под жестокими звёздами.

Мальчик снова едва справился с желанием обнять её и вместо этого похлопал по плечу, как это делал его отец со своими товарищами.

– Ты рассказала, но как я мог поверить? Как-нибудь научишь и меня! – объявил он. – Но сначала история. Продолжи историю! Я должен знать, что случилось с Принцем после того, как Ведьма завершила свой рассказ.

Двое удалились от фонтана, который был не самым подходящим местом, чтобы прятаться. Они нырнули в рощу душистых кедров, и девочка устроилась поудобнее.

Девочка улыбнулась странной, кошачьей, улыбкой.

– Вообще-то ты ошибаешься. Ведьма едва успела начать...

Сказка Ведьмы (продолжение)

Бабушка улыbnулась, потрепала меня по волосам и сложила руки, как старый жук-палочник. Я помню её голос – он витал в тёмном подвале, царапал стены и лизал массивные замки, одновременно смягчая мой страх, как пряжа смачивает нить губами.

– Выходит, ты можешь превратиться даже сейчас? Прямо сейчас?

– Да, я могла бы.

– А я?

– Ты не попадёшь в пещеру, дорогая. Свет Лиульфур или свет мёртвой Звезды никогда не коснётся тебя. В лучшем случае, ты станешь ведьмой листвы и травы: будешь делать любовные зелья, лекарства от простуды и средства от подагры для тех, кто сможет тебе заплатить; смотреть в небо и говорить юной девушке о том, что её муж будет светло- или темноволосым; примешь у неё роды и похоронишь её – когда придёт время. Это всё.

Я проглотила сказанное, прожевала, словно кусок жесткой шкуры. Наконец, я мрачно ухмыльнулась: лучше быть слабой ведьмой, чем никакой.

– Ты могла бы превратить кого-то другого? – вдруг спросила я.

Брови Бабушки сошлись, как если бы она пыталась прочитать странную вереницу следов, оставленных чьими-то копытами.

– Не знаю. Думаю, смогла бы... Должен быть способ. Но я бы не хотела пробовать.

– Сделай это сейчас! – закричала я, хватая её худые руки. – Превратись в мышь и выбеги через замок или в птицу и улети через оконную решетку. Принеси ключ и выпусти меня, и мы уйдём в степи вместе; будем есть оленину и навсегда забудем об этом месте!

– Бедная малышка Нож! Иногда ты бываешь тупой и грубой, как камень, – сказала бабушка с нежностью. – Если я стану мышью, убегу прочь, волновать меня будет одно – как набить сыром своё серое брюшко. Я забуду тебя, и мы уже никогда не поедем вместе оленины. Кроме того, мне надо кое-кого убить, прежде чем я смогу начать думать о мышах или птицах. А тебе надо кое-кого родить.

Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)

Ведьма замолчала. Ночная тьма струилась в окна её домика, точно шелк, и окутывала всё толстым чёрным покрывалом. Принц чувствовал себя неудобно: он замёрз и перепачкался в муке, но не смел жаловаться.

Ведьма совсем притихла. Рука Принца снова начала кровоточить; кровь капала в тесто, но он её не замечал. Потрескивавшее в очаге пламя кувыркнулось, точно лосось, и хижину заполнил ароматный дым, источаемый зелёными ветвями шалфея и зубровки душистой. Глаза Принца увлажнились, и он не знал, виной тому дымный воздух, от которого выступали слёзы, или похороненные некогда воспоминания, пробуждённые небрежными словами о его матери. Воспоминания вышагивали внутри него уже несколько часов, и в дальнем углу памяти вспышкой мелькала грива золотых волос да шумели крылья.

Всё стало таким странным и непонятным – путь через лес, приведший его в этот дом; вытекающий изо рта старой карги поток слов, напоминающий чернила; пульсирующий внутри страх; ожидание того, что после рассказов ему всё равно придётся понести наказание за убийство гусыни, – и память, память, колотившая его по сердцу ужасными серыми крыльями.

По правде говоря, затерявшись в сказке Ведьмы, Принц почти забыл о существовании жемчужными крыльями – о мёртвой птице, той, кому он утром свернул шею. Но, посмотрев на свои испачканные в муке руки, омытые светом очага и тенями, он увидел пятна чёрной

крови на белой пыли, увлажнившуюся рану и всё вспомнил. Прошел миг с той поры, как он, словно беглец, оставил Замок отца, намереваясь никогда не возвращаться, не правда ли? И теперь, не дойдя нескольких миль до границы королевства, стал пленником. Приключение закончилось, не успев начаться. Он попал в ловушку, как заяц, – свистящий шепот завёл его в трясину, он затерялся в хижине, среди теней и огня, рядом с трупом девушки-гусыни, что лежал у стены, возле очага, который не давал её плоти остыть.

И вот старуха произнесла имя его матери. Старые запретные слоги вплелись в её историю, у которой не было с ним ничего общего. Но воспоминания о матери превратились в жесткий рычаг, которым Ведьма медленно открывала его нутро, пядь за пядью, кость за костью. Принц едва расслышал последнюю часть длинной истории – так его одолела печаль, подступившая к самому подбородку.

Ведьма склонила набок голову, с лёгким любопытством наблюдая за своим гостем. Она осторожно взяла его руку в свои и прижала ладонь к окровавленным пальцам, останавливая кровотечение. Затем втёрла в обрубки какой-то сладко пахнувший корень, и рану сильно защипало.

– Трава и листва, – проворчала она.

Принц попытался изобразить улыбку, но не вышло. Ведьма обратила к нему хищные прищуренные глаза:

– Что такое, мальчик? Ты мой слуга и не можешь вытерпеть вечер, чтобы выслушать меня? Вместо этого завернулся в собственные печали, как в тяжелый шерстяной плащ, и ждёшь, что я сниму его с твоих плеч?

– Моя мать, – пробормотал Принц. – Ты сказала, что знала мою мать.

– А ты сказал не говорить о ней, – буркнула старуха. – Хорошо, отвлечёмся и послушаем, как убийца будет бить себя в грудь и извергать своё горе на мой пол? Твоя мать мертва, твой отец почти стёр её из памяти всего мира. Неужели тебе хочется знать что-то ещё о бедной женщине?

Под конец её голос опасно надломился, и Принц вздрогнул от этого, изумившись, сколько всего происходило в королевстве без его ведома, – взять хотя бы изгнанную в глубину леса женщину, которая была знакома с покойной Королевой. Имя его матери было аккуратно внесено в генеалогические свитки и звучало в народных песнях, где большей частью превозносились её длинные золотые волосы. То же самое имя находилось под запретом в комнатах, где решались важные дела, и в любых помещениях, куда мог войти его отец. И всё-таки Ведьма была с ней знакома.

Она потёрла длинные костлявые пальцы друг о друга – звук был такой, словно ветер всколыхнул ветки, – и одарила его оскалом из-под завесы седых грязных волос.

– Думаешь, я зловредная, да? Чудище, ошибка природы? Как жестоко я поступаю, удерживая тебя здесь и треща без умолку о своей мёртвой бабушке, до которой тебе нет дела. Отодвигая роковой жребий, приготовленный для тебя, дразня напоминаниями о твоей матери. Всё это я рассказываю не просто так, скудоумный мальчишка. Разве у тебя никогда не было наставника? Я повествую о мёртвом скучном прошлом, чтобы ты понял, почему ноги принесли тебя сюда, а не к хижине какой-нибудь бедной старушки, и чему ты положил конец, убив мою дочь. Не смотри на меня как идиот! Слушай или ничего не узнаешь – о своей матери тоже. Или мне тебя убить прямо сейчас, свершив возмездие? Это стоило бы мне всего один вздох. В моём возрасте все оставшиеся вздохи посчитаны и внесены в список, а я развлекаю тебя, тратя множество вздохов из него, мальчишка! Так что не испытывай моё терпение. – Ведьма помедлила, скривившись, будто и впрямь подсчитывала, насколько ещё хватит силы её лёгких. – И никогда не считай женщину зловредной лишь потому, что она некрасива и не лебезит перед тобой. Это неподобающее поведение для Принца.

Старуха шумно отхлебнула чаю. Когда она снова заговорила, её голос смягчился, превратившись из острого кинжала в деревянную колотушку с рукоятью, согретой ладонями.

– Я вижу, что тебе больно, а чудовища знают толк в боли. Ты тащишь труп матери за собой, и он оставляет в земле глубокую борозду. Это достойный повод, чтобы грубо прервать женщину, у которой имеются два пальца, коих не было утром. Ради того, чтобы раскопать эти старые кости, я, так и быть, выслушаю тебя. Поверь мне, твоя участь не станет легче, если ты ощутишь ко мне тёплые чувства, облегчив душу. У нас впереди все ночи, какие сотворил мир. Говори о мёртвых во тьме, мальчик, и я заберу у тебя её тело, если хочешь от него избавиться.

Принц сидел, ссутулившись, и смотрел на старуху, как выпоротый ребёнок; его рёбра стонали, будто по ним била тысяча маленьких мечей. Он не мог дышать, сердце бешено колотилось в груди, глотка пылала. Хотелось рассказать ей всё, что знал; его душа корчилась от усилий, но он не мог произнести ни слова.

Ведьма смеялась над ним. Но это был не злой смех: скорее, старая карга испытывала жалость и грусть. Она склонилась над ним, как крышка люка.

– Ты скажешь ему, как её звали. Ты скажешь ему это, когда вы снова встретитесь.

Старуха положила мозолистую руку на лоб Принца, другой накрыла его губы и мягко сжала, словно голову любимой куклы. Он хотел презирать её прикосновения, плюнуть в неё, но, едва её сухая кожа соприкоснулась с его, нахлынуло умиротворение, будто струящаяся река, мышцы расслабились и дыхание выровнялось. Её руки напоминали лапы, которыми медведица обнимает детёныша, сильные и нежные. Когда Ведьма отпустила Принца, он смотрел на неё широко открытыми глазами, его спина была прямой, лоб прохладным.

– Трава и листва? – прошептал он.

– Вроде того, – сказала она.

И он смог, не запнувшись, произнести слова, которые давно ржавели внутри.

– Мой отец убил её. – Он покачал головой. – Это теперь я всё понимаю, но никто не говорит о случившемся вслух. Никто! Я был младенцем, когда она умерла, но моя няня рассказывала, как всё произошло, повторяла снова и снова, будто колыбельную. Она хотела, чтобы я хранил это воспоминание как второе сердце – неотъемлемую и постоянную часть тела. Прижимала меня к себе и шептала одну и ту же историю, раз за разом. Я помню её волосы, точно лес прямых белых берёз вокруг меня, и тёмные глаза надо мной...

Нянина сказка

Твоя мать, малыш, была красивее летнего солнца. Тебе скажут, что это неправда, и она была уродлива, как жаба, но это враньё. Я всегда говорю своим мальчикам правду.

Она была вся из золота – волосы, кожа, даже глаза, точно у львицы. Звали её Хелия, и это самое прекрасное имя из всех, что я когда-либо слышала.

Твой отец охранял её как ревнивый шакал и держал в комнате на вершине башни. Но слава о её красоте, достойной книг, гремела повсюду. Ты родился вскоре после свадьбы – так обычно и бывает, когда жена похожа на львицу или на солнце. Когда ты вышел из неё, с необычайной лёгкостью, она ужасно тебя полюбила. Ты был в той же мере тёмным, в какой она светлой, малюсенькой луной рядом с её солнцем. Я была её горничной, и она была полна света. Говорю тебе, утёночек мой милый, иногда глазам становилось больно смотреть, как она стояла рядом с окном, держа тебя у груди, и её волосы пламенели. Я иногда задавалась вопросом, сосал ты молоко из её груди или в твой рот тёк солнечный свет.

Но однажды ночью её не оказалось в башне. Ты к тому времени уже был карапузом с пухлыми щёчками и ковылял по её пустой комнате – твой отец ей даже стула не дал, клянусь! Весь день проводила на ногах, а спала на камнях, и ни разу я не слышала от неё жалоб.

Не могу сказать – откуда же мне знать! – чем она занималась той странной ночью (богатеи не говорят нам того, что не касается завязывания лент и заваривания чая, так заведено), но солнечным утром гнев твоего отца затемнил небо и встряхнул кровлю.

Вместе со старым предсказателем они в ярости метались по Замку, точно два урагана, проклиная меня за то, что я её выпустила, будто Королева не может делать то, чего ей хочется. Он схватил меня за руку, словно кандалы надел, и мы понеслись по расшатанной лестнице на башню – там стояла твоя мать, спокойней не бывает, ты спал у неё на руках, и тебя ничто не волновало. Она посмотрела на твоего отца взглядом сытой тигрицы, её золотые глаза сияли от ненависти и счастья.

Я никогда не забуду этот взгляд, чтоб мне больше яблок не есть! Хелия ненавидела Короля – такова истина; спроси его, когда вырастешь, и сам увидишь, назовёт ли он старую Яю вруньей. Отец вырвал тебя из материнских объятий и сунул мне, ты проснулся и заплакал. Потом он сразу же ударил твою мать с такой силой, что она выплюнула на пол зуб – как тебе такое понравится? Но она и глазом не моргнула, её ужасный взгляд не переменился. Король зашипел на неё и изрёк странные тёмные слова:

– Женщина, во второй раз тебе меня не одурачить. Я должен был перерезать твою плотку при нашей первой встрече.

– Видимо, так, – промурлыкала твоя мать.

Король улыбнулся, и я начала бояться, что в моём хозяине кроется что-то тайное и гнилое, но ничего не сказала. Слуга никогда ничего не говорит, если его не спрашивают, а Яю все спрашивают об одном – готов ли ужин.

– Ты поняла? – с яростью бросил Король. – Твоя смерть послужит уроком для твоего сына.

Она жутко оскалилась, глядя в его побагровевшее лицо, и шепот её был сладким, как сметана:

– Урок он усвоит, о, мой супруг. Он всё усвоит.

Твоя мать умерла на следующее утро. Я так и не узнала, почему, за какое преступление её казнили, точно воровку, пойманную с куском масла. Я была во внутреннем дворе, стояла, прижимая тебя к себе, и, как подобает хорошей няне, заставила тебя отвернуться в последний момент.

Это случилось перед рассветом, когда всё вокруг было сонное и серое. Твой отец выволок бедняжку Хелию из Замка в простой белой рубахе. Её волосы струились, как огонь в тумане. Сумасшедший старый заклинатель тоже был там, в своём роскошном синем одеянии. Но он не проронил ни слова – слуга ничего не говорит, если его не спрашивают, – только всё время еле заметно улыбался. Король затащил твою бедную матушку на груды свежих брёвен и привязал там грубыми верёвками. Она не сопротивлялась, даже когда он затянул верёвки настолько туго, что до крови ободрал ей запястья. Но когда она увидела тебя... Ох, не бывает такой сильной матери, которой наплевать, что её ребёнок увидит, как она горит. Тогда она заплакала и закричала, рванулась к тебе, её тонкий жалобный крик взмыл в утреннее небо, но о пощаде она ни разу не попросила.

Мне хотелось ей помочь, но тогда я сгорела бы вместе с ней, и ты остался бы совсем один, было бы некому тебя любить и заслонять от гнили, живущей в твоём отце.

Король вытащил длинный нож и отсёк её великолепные волосы, вручил их тупоумному Волшебнику. Они стояли над ней недолго, лицо Короля было тёмным, словно грязь. Затем он поджег ветви ясеня и дуба большим трескучим факелом. Твоя мать кричала, и это был жуткий плач, как пугающая песня смерти, что исходила из её костей. Ты кричал ещё громче, настолько тебя испугал певучий скрежет. Огонь лизнул её ноги, платье вспыхнуло; и вот загорелась голова, точно голова ангела.

Я тебе не врёт, что бы ни говорили за ужином! Слушай, когда я говорю об увиденном. Когда огонь окутал её красным плащом, сквозь извивающиеся языки пламени я увидела, как твоя мать... переменялась. Её волосы из золотых стали чёрными, а контуры тела оплывали от жара. Она то была Хелией, какой я её знала, то кем-то совсем другим, уродливым, ужасным и тёмным – темнее не бывает.

Тебе скажут, что Яя не в ладах с головой и пьёт слишком много дурного красного пива, но я думаю, что Волшебник тоже это видел, его глаза сделались сердитые. Он прогнал нас прочь с холода, говоря, что кто-нибудь заберёт её кости и что ребёнок не должен это видеть... Тут я сказала прямо ему в лицо, что, если он не хотел, чтобы ты всё видел, не нужно было тебя вытаскивать из постели. Но старый драный аист, как обычно, не обратил на меня внимания.

Но, пончик мой сладкий, её крик преследовал меня, когтями рвал спину, и за криками, клянусь, я слышала шелест, и хлопанье, и трепетание, и оно становилось всё громче, пока я не зажала уши руками, и мы побежали прочь от твоей матери, которая горела, будто мясо на костре.

Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)

– И это всё? – спросила Ведьма скучающим голосом.

Принц кивнул с глупым видом, хотя в глубине его души затрепетала расчётливая жилка, словно он учуял в подлеске запах оленя, которого точно можно поймать, если тихо подкрасться. Нож устроилась поудобнее на стуле, покрытом шкурой, и продолжила свой рассказ.

Сказка Ведьмы (продолжение)

Время в тюрьме бежало точно восьмипалый леопард – мы не могли его видеть и слышать, а оно подкрадывалось на своих пятнистых лапах и пожирало нас заживо. Я сделалась круглой, словно полная луна, хотя мои руки и ноги были как берёзовые веточки, щёки запали. Голод и тьма ходили за нами по пятам, точно беспокойные нянюшки.

И вот однажды ночью я легла на заплесневелую солому, по которой торопливо бегали пискливые крысы, чтобы произвести на свет дитя. Бабушка прижимала меня к себе, обнимая руками и ногами, пряча от каменных стен, лицом к лицу что-то шептала, пока я скулила, и вытирала слёзы с моего чёрного от грязи лица. Она тёрла мой распухший живот морщинистыми коричневыми руками, рисовала на нём круги, подобные улетающим птичьим стаям.

Боль стала отдельным миром, где всё было нарисовано красным и чёрным да белыми вспышками-всхлипами. Я кричала – но в тюрьме все кричат. Я проклинала всё, о чём могла подумать, – но проклятия в тюрьме так же привычны, как гангрена. Мои волосы прилипли к голове от пота, босые ноги скользили по полу, когда я дёргалась и извивалась, точно больная лягушка-бык. Моё тело пожирало себя, разрывалось на части. Я всё кричала и кричала, цепляясь за бабушку, а она цеплялась за меня, пытаясь успокоить и тычась в меня носом, словно я была волчонком в снегу.

Её я не чувствовала: чувствовала лишь, что вот-вот разобьюсь вдребезги.

Так родилась моя дочь, здоровая и красивая, с копной чёрных волос и спокойными чёрными глазами. Я держала на руках её влажное дрожащее тельце, появившееся во тьме и вдали от нашего дома. Я улыбалась ей и качала её, забыв свои недавние слова и отчаяние.

А потом голос бабушки вонзился в меня, как игла в полотно:

– Мы не можем её оставить, Нож. Ты должна это понимать.

Я отшатнулась и крепко прижала к себе доченьку. Бабушка успокоила меня и вновь начала гладить, чтобы добиться своего, словно я была девочкой, которая ушибла палец.

– Ей ни за что не выжить. Король прикажет убить кроху, если она сама не умрёт здесь от голода. Она не может остаться с нами. Ты это знаешь, но не хочешь признавать – любая мать на твоём месте не захотела бы.

Мне стыдно за слёзы, пролитые той ночью, горячие и обильные, как воск из свечей, что горели в тысяче храмов. Но остановить их было невозможно.

– Нет-нет, она моя! Я уже её полюбила. Если бы и ты её любила, ни за что не попросила меня отдать дитя. Я её не отдам никогда! – Я беспомощно уставилась на бабушку. – У неё даже имени нет! Как я могу?

Бабушкины глаза окружили морщины, сделавшие их похожими на страницы книги, которую слишком часто листали очень грубые руки. Она пожала плечами, зная, какой упрямой я могу быть, и впервые удалилась от меня во тьму, скорчилась в дальнем углу камеры и прижала колени к груди на куче позеленевших от плесени костей. Через некоторое время я услышала, как она захрапела.

После всех наших разговоров недели в тишине напоминали погружение в холодную воду без возможности набрать полную грудь воздуха. Бабушка не говорила со мной, и я впервые поняла, что значит подлинное тюремное заточение. Мы жались по углам, как изготовившиеся к битве борцы. Я берегла свою малышку, как могла; её жадный маленький рот терзал мою грудь, а яростные пронзительные крики – уши. Она утомляла меня... Ох, как же она меня утомляла! Я могла лишь дремать, словно больная кошка; меня мотало от бодрствования ко сну и обратно. Из каменных плит не сделать ни колыбель, ни постель, и у меня не было ни кобыльего молока, чтобы приучить дочку к его вкусу, ни степной травы, чтобы она могла к ней прикоснуться. Ей не пришлось познать вещи, известные мне.

Её чёрные глаза постоянно глядели во тьму. Её кожа всегда оставалась бледной, холодной и влажной на ощупь, и она так дрожала от сырости. Дочка была тонкая и продрогшая, словно стеклянная. Я плакала, когда кормила её грудью, укачивая возле склизкой стены. Она перестала плакать, просто смотрела на меня чёрными бездонными глазами.

– Гнёздышко, – всхлипнув, прошептала я однажды ночью, обращаясь к теням, за которыми сгорбившись сидела бабушка. – Я назову её Гнёздышко.

– Имя даёт надежду девочке, которая, вероятно, никогда не увидит дневного света, уже не говоря о гнезде высоко в заснеженных горах.

Я погладила мягкую щёку дочери, в которой совсем не было красок – лишь ровная серость под кожей. Она потянулась ртом к моему пальцу, и я в сотый раз расплакалась. Я устала плакать. Молоко и слёзы лились из меня каждый день, и каждый день я думала, что влаги во мне не осталось. Но каждый день я снова плакала и снова кормила грудью.

– Я не могу, бабушка, не могу. Ты хочешь, чтобы я её умертвила, как лошадь с разбитым коленом, но я не могу. Даже если так лучше для неё, я всё равно не смогла бы, не удержалась бы и подошла в тот миг, когда она заплачет. Её крик, словно крючок, застрекает в моей глотке.

– Ох, маленькая моя, я никогда не попросила бы тебя о подобном. Как ты могла такое подумать? Я неспроста тарахтела, будто панцирь черепахи, носимый ветром по камням. То, что мы можем ей дать, намного лучше того, о чём говоришь ты, и уж точно лучше нашей собственной участи. Нож, позволь мне её взять и поверь, я не зря рассказала тебе эту историю. Хочешь назвать её Гнёздышкой? Очень хорошо. Давай поможем ей отыскать настоящее гнездо.

Бабушке пришлось выдирать дочку из моих рук, как выдирают драгоценный камень из оправы. Она едва заметно и грустно улыбнулась, ощутив вес своей правнучки и коснувшись её впервые с того момента, как она извлекла дитя из моего чрева. Бабушка уложила мою доченьку на все лохмотья, какие мы смогли собрать, чтобы защитить её от холодного пола. Гнёздышко начала плакать, втягивая ледяной воздух, и её всхлипы заполнили камеру до потолка.

Старая женщина готовилась – так я решила – и закрыла глаза, будто занавесила двери, мне велела сделать то же самое. Я не видела в этом смысла, потому что владела лишь силой, достаточной чтобы убить нескольких оленей и ездить верхом, перевязать гноящуюся рану и вправить вывих. Если мы не собирались убить моё дитя, помочь было нечем. Если я и была ведьмой, то лишь той, что знает траву и листву. Моя маленькая девочка продолжала рыдать; от этого забеспокоились черви, тараканы и пауки, беззаботные ползучие обитатели нашей клетки. Я рвалась ей помочь, снова укутать и прижать к груди, хотя в ней, наверное, уже не осталось ни капли молока.

Бабушка положила пальцы на мрачное личико Гнёздышка.

– Я... я не уверена, что всё получится. – Она откашлялась. – Никогда этого не делала. И Волчица не сказала, разрешено ли подобное. Дыра – всего лишь пространство, но заполненная дыра становится Звездой. Я полна, а она пуста. Этого должно хватить.

Раньше я ни разу не слышала, чтобы моя бабушка подвергала сомнению хоть что-то из существующего под красным солнцем. Если бы она сказала, что одним кроликом можно накормить целый мир, я бы кивнула и принялась сдирать с него шкуру.

Бабушка коснулась лбом пола, будто молясь, и начала медленно стучать головой о камни, снова и снова, всё сильнее и сильнее. Я попыталась её остановить, но она оттолкнула меня и опять принялась за своё, разбивая лицо. Под ней возникло тёмное влажное пятно, а звук, с которым её кости ударялись о камни, сделался громким и жутким, прежде чем она остановилась и выпрямилась.

Её лицо было в крови, но среди потёков красного цвета виднелись струйки серебра, как седина в волосах юной женщины. Они покрывали бабушкины щёки и затекали ей в глаза, капали с подбородка. Она коснулась пальцем влажного месива, в которое превратился её лоб, и, увидев свет на пальцах, приложила лоб ко рту моей дочери.

Гнёздышко поначалу ничего не поняла, но серебро и чернота капали ей в рот, а её никогда не приходилось упрашивать сосать. Девочка прижала губы к бабушке и принялась хлопать своими ручками по волосам старой женщины с азартом голодного малыша. Свет тёк в неё вместе с кровью, и во тьме моя дочь засияла.

Бабушка отстранилась и вытерла рот Гнёздышка, как обычному ребёнку. Она положила руки на её бледное тельце и зажмурилась, дыша тяжело и глубоко, сжимая пальцами плоть моей дочери, точно вылепливая её из глины.

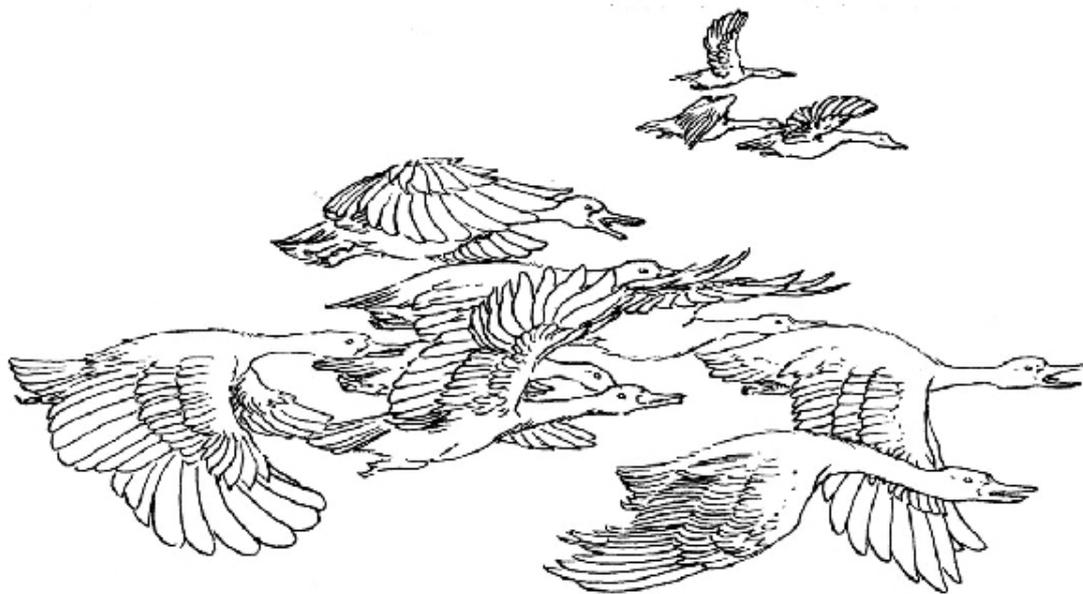
Гнёздышко медленно менялась. Её ноги наполнились лунным светом и исказились, будто расплавились; руки сделались плоскими, как листы нетронутой чернилами бумаги. На её теле выросли перья, словно шелковистые пряди волос: сначала кудрявый пух, а потом сильные серые перья для полёта, с чёрными кончиками цвета серебряной нити на хрустальном веретене. Её рот утих и превратился в изящный изогнутый клюв, который потрясённо раскрылся.

Только глаза девочки остались прежними и её внимательный взгляд цвета камней на дне озера.

Моя девочка, ставшая милой юной гусыней, вскочила и ткнулась в мою ладонь своей гладкой головой. Она по-прежнему была очень маленькой. Я наклонилась и поцеловала её перья, чувствуя, как моё сердце превращается в высохший боярышник.

Балансируя на груде костей, мы поднесли Гнёздышко к зарешеченному окну, дотянулись до него и протиснули её тельце между прутьями.

– Поблизости обитают сотни гусиных стай, Нож. Одна примет её, пока она не вырастет. Так будет лучше. Для нас с тобой такой надежды нет. Лети, птичка!

Гнёздышко одарила меня долгим взглядом, её чёрные глаза блестели на морозном ветру. Потом она повернулась и прыгнула с наполовину погребённого окна в глубокую траву. Было темно, звёзды прожигали дыры в темноте. Я смотрела, как она переходит из одной тьмы в другую.

Через три дня после того, как мы наблюдали за Гнёздышкой, ковьяющей по полю, огромные железные двери, отделявшие сырую темницу от двора, который утопал в мерцании свечей, распахнулись с такой силой, что треснуло их каменное основание. Бабушку и меня бесцеремонно схватили и, оставляя синяки и ссадины, потащили вверх по той же спиральной лестнице, по которой я спустилась в ад – так давно, что, казалось, это произошло с другой женщиной. Всё вокруг затопил бело-желтый свет: мы никак не могли к нему привыкнуть.

Оказавшись перед Королём, поначалу мы не могли смотреть прямо на него, так как его золотая корона и расшитый драгоценными камнями камзол слишком ярко сверкали, отражая солнечный свет. Конечно, он именно этого и добивался. Позже я узнала, что регалии во время аудиенций использовались редко. Короля представил высокий мужчина, чьи волосы нечёсаной гривой сланцево-серого цвета опускались до бёдер. Он носил широкий, скрепленный болтами железный ошейник, который тёрся о ткань его сине-коричневого одеяния.

– Вы предстали перед судом его королевского величества, Короля Восьми королевств и Правителя Восточных земель, Автократа Объединённых племён, Владыки Тысячи пещер, Священного сосуда, коему принадлежит мир надземный и подземный. Вот ваш судия.

К тому моменту я различила в сиянии холодный взгляд Короля: он был подобен льду подо льдом. Герольд в ошейнике повернул ко мне свое жестокое лицо с поджатыми толстыми губами и принялся разглядывать мои шрамы. Бабушка застыла около меня, будто вздыбившая шкуру гончая; она узнала в нём своего будущего хозяина – Омира, придворного Волшебника и советника Короля. Я и шагу ступить не успела, как он попытался подчинить волю бабушки и не преуспел, словно женщина была неподатливой ясеновой доской.

– Вы обе... – Его голос был точно масло, текущее по шелку тошнотворными извилистыми струйками. – Вы обе совершили измену, мои весьма смыслённые девочки. Непростой трюк для того, кто заперт под землёй, но вы справились. Вы лишили Короля его законной собственности. Более того, эта собственность была не военной добычей, а родилась прямо здесь, на земле его величества – в этих стенах! – и принадлежит ему по праву.

Волшебник потёр ладони, словно его длинные пальцы болели. Бабушка устремила на него спокойный взгляд, в её голосе было столько же страха, сколько содержимого в выеденном яйце.

– Отчего бы тебе не подойти ближе, Омир *Серв*, и не рассказать, с чего вдруг моя правнучка сделалась имуществом какого-то неуклюжего борова?

Волшебник слегка вздрогнул, но быстро овладел своим лицом:

– Насколько близко, старая карга? Достаточно близко, чтобы ты сунула мне нож под рёбра? Нет, обойдёмся. Мне не нужны другие доказательства, ты сама признала, что у тебя есть правнучка. – Он бросил на меня горячий взгляд, который прилипал к коже и крепко держал, лишая сил. – Кобылка ожеребилась, но где же приплод?

Я попыталась возразить, но бабушка угомонила меня, крепко сжав руку.

– Так тебе не отдадут то, чего ты желаешь. Оно не для тебя, – прошипела она.

В ответ Волшебник шагнул вперёд:

– Ну и пусть не отдадут, ты, мешок старых пересохших костей. Я сам возьму!

Одного шага было достаточно. С криком медведя, проткнутого копьём, бабушка расхоталась ему в лицо и вытащила из своего платья, превратившегося в лохмотья, серебряный нож с костяной рукоятью. Нож был острый и легко прочертил на шее Волшебника красную полосу.

Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)

Огонь почти погас, и Принц сидел в темноте, уставившись на свои ладони, которых не видел. Ведьма легко прикоснулась к узловатому шраму на своём лбу – линии, что извивалась и петляла как морской змей. Она мрачно улыбнулась; её рот, изогнувшись кверху, превратился в точно такую же линию.

Обвинение лежало между ними на столе, жирное и уродливое, с чёрной спиной и пропахшее дымом. Старуха ничего не говорила, а он старался не смотреть на труп, покрытый сажей и каплями росы, лежавший возле камина как свежесрубленное деревце.

– Я не знал, – прошептал Принц. – Я не мог знать. Откуда? Она была просто *птицей*. Я не хотел...

Отправившись на подвиги, он сразу уничтожил самое ценное, что встретил на своём пути.

Ведьма накрыла его дрожащую руку своей. Её голос был настолько мягким и добрым, насколько это вообще возможно для ведьмы.

– Если бы ты это сделал нарочно, мой мальчик-красавчик, я бы съела твою печень, причём с улыбкой.

Принц Леандр вскинул глаза на Нож с внезапным волнением.

– Но ведь должен быть способ её вернуть! Он обязан существовать. Ты Ведьма. Я Принц. Во всех книгах, где есть ведьмы и принцы, такой способ имеется. – Он упёрся в край стола и наклонился ближе к старой карге: – Скажи, что делать, и я спасу её. Принцы для этого и предназначены – спасать девушек. Умоляю, пошли меня к самой далёкой ледяной шапке или на самые обширные болота. Я пойду, если это будет означать жизнь для неё.

Ведьма улыбнулась той настоящей и нежной улыбкой, какой взрослая волчица могла бы удостоить волчонка.

– Возможно. Как ты и говоришь, у принцев это получается лучше всего.

Нож притихла. Она собрала со стола тесто из муки, крови, слёз и прочего и поместила в огромную печь.

– Как ты сбежала из Дворца? – вдруг спросил Принц и приготовился слушать.

– Меня изгнали, – коротко ответила старуха, проталкивая бесформенный кусок теста на железной решетке подальше.

Леандр видел остаток истории как груды толстых пергаментных свитков в глазах Ножа. Однако он понимал, что ему рассказали всё, что сочли нужным.

– Ты должен знать о зле, которое твоя семья причинила моей. Она была последней из нас, последним потомком той бедной девочки, что пряталась в углу своего шатра, пока воины убивали Звёзд. Теперь её нет, и нас больше не будет. Вот правда, которую ты можешь взять в руку, точно обожженный солнцем кирпич. Её можно взвесить и пощупать. Чтобы спасти мою дочь, ничего другого не потребуется.

– Выходит, способ есть. Что я должен сделать? – Принц устремил на неё тот искренний взгляд, на какой способны все принцы.

Ведьма фыркнула и уставилась на него сквозь полумрак, прищутив глаза.

– Её надо завернуть в шкуру Левкроды⁷ в новолуние. Тогда она, возможно, хотя и необязательно, воскреснет. – Ведьма ждала ответа, но он не прозвучал. – Смотрю на тебя и удивляюсь, мальчик. Ты хоть раз бывал за пределами крепостных стен? Левкроды – ужасное чудовище, что живёт посреди Зловещих болот. Он цвета запёкшейся крови, отчасти олень, отчасти конь, а по размерам – несравнимо больше того и другого; его пасть тянется от уха до уха, а вместо зубов сплошная кость. Жуткий зверь, уверяю тебя.

– Я не боюсь! – вскинулся Принц, преисполнившись желанием доказать свою смелость перед лицом опасности, стоявшей на пути к спасению прекрасной девы-птицы и восстановлению доброго имени его семьи.

– погоди, мальчик. Ты не понял. Давай я расскажу тебе сказку о другом принце, который отправился на бой с Левкродой...

Сказка о Другом принце

Жил-был прекрасный принц, который решил вызволить свою невинную сестру из лап свирепого чудовища.

Левкроды одним движением челюстей сломал ему хребет, а потом две недели носил на ветвистых рогах его голову и руки в знак своего триумфа.

Ведьма выпрямилась с удовлетворённым видом.

⁷ Левкроды – мифическое животное, описанное Плинием Старшим в «Естественной истории».

В Саду

Мальчик хихикнул. Он теперь прилежно сидел напротив девочки, не осмеливаясь опять к ней прикоснуться. Она тоже тихо рассмеялась в темноте. Её взгляд взмыл к ветвям кедра в вышине, чёрным ястребом метнулся к нему и снова улетел. Они теперь волновались и пугались каждого звука, боясь услышать громогласные шаги Динарзад, которая, несомненно, находилась поблизости. Не было ужина, чтобы отвлечься, лишь они двое, изнывающие от желания рассказывать и желания слушать, неловкие и неуверенные, испуганные тем, что их могут обнаружить.

В ночи, что лёгким галопом двигалась к рассвету, точно норовистая кобыла, мальчик чуть придвинулся к девочке и настойчиво попросил не останавливаться.

Девочка глубоко вдохнула и продолжила; её голос был подобен колыханию ивовых ветвей над водой тёмного озера.

Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)

Когда Леандр в утренних сумерках покидал хижину, Ведьма одарила его многозначительной ухмылкой и поцеловала в щёку жесткими губами. Это был неловкий жест, и он не смотрел ей в глаза. Но рука старухи коснулась его руки и размотала повязку из листьев, скрывавшую обрубки. Принц был не слишком удивлён, когда увидел, что они полностью зажили, затянулись новой розовой и тёплой кожей, аккуратно обтягивавшей костяшки пальцев; не осталось ни крови, ни рубцов.

– Трава и листва, – сказал он с улыбкой.

Ведьма подмигнула.

Принц покинул её, наконец узнав, в чём заключается его Подвиг. Он пустился в путь через высокие горы с вершинами, тронутыми снегом, как бороды мудрецов сединой. И так до самого моря, что раскинулось перед ним, гладкое, будто платье. Его не пугали трудности, ведь он как-никак был воином, хотя Подвиг оказался утомительнее, чем он предполагал.

Например, Принц не догадывался, сколь важную часть Подвига составляет простая ходьба. Он шел, пока не сносил три пары сапог, проклиная отсутствие лошади. Ему пришлось топтать через всевозможные ландшафты, от сырых болот до уютных ферм и горных ледников. И нигде, ни в одном посёлке его не встретили с радостью. Никто восторженно не кричал, что Принц почтил деревню своим присутствием – что за честь видеть вас, сир! – никто настойчиво не приглашал его за праздничный стол – только лучшее из нашего урожая для вас, сир! – никто не умолял усладить его слух песней о его приключениях – ой, расскажите же нам об ужасной Ведьме, сир!

Его почти не замечали: трактирщики были угрюмы, трактирщицы молчаливы и немолоды; молочницы не отличались дружелюбием, их бёдра были широченные, а сами они казались прилипшими к бокам своих коров. Через некоторое время Принц и сам не особенно отличался от самого нищего крестьянина – весь в глубоко въевшейся грязи, лицо кислое, как у священника во вторник, и без надежды раздобыть хорошую обувь. В общем и целом происходящее ничуть не походило на то, чего он ожидал.

Однажды вечером, когда солнце на западе подсчитывало дневное золотишко, Леандр нырнул в прибрежную таверну в северной части страны, над дверью которой висела странноватая вывеска – огромный кулак, крепко сжимающий рыбу. Он положил на стойку несколько монет и с наслаждением расположил натёртые ноги на влажном полу. Глотнул горького разбавленного эля, отдававшего кожей и тёплой желчью. Местечко было мерзкое, с десяток тёмных личностей в капюшонах поглядывали на него из куда более чем четырёх

углов. Хотя в этой истории были правдивы: Незнакомцы с Сомнительной Репутацией налиествовали в изобилии, как белые барашки на морской глади.

Трактирщик, настоящий громила, выглядел так, словно некий гигант соорудил его из сваленных в кучу частей тела. Он размахивал толстой тряпкой, как мечом, и ржавое железо его глаз бросало вызов любому, кто заказывал выпивку. Его волосы были цвета песчаных отмелей, на которых застревали корпуса кораблей, ладони походили на барабаны. От него несло ламповым маслом и морской водой.

Он бросил на Леандра косой взгляд из-под тяжелых век и ничего не сказал, когда молодой Принц скривился, отведав содержимое кружки. Привередничать по части местной выпивки не хотелось, но пошло было столь мерзкое, что его лицо исказилось само собой. Трактирщик помрачнел и сплюнул. Леандр устал от бесцеремонного приёма, коим его удостоивали в разных унылых городишках, и воззрился на трактирщика.

– Ты знаешь, кто я такой?

Верзила за конторкой принялся разглядывать деревянную столешницу.

– Да, – буркнул он, – но не рассчитывай, что это даёт тебе право на лучший эль.

Принц закатил глаза.

– Я не поэтому спрашиваю, добрый человек. Твой эль, – ему пришлось подбирать подходящие слова, – хорош, как колодезная вода в моём доме. Но все, кого я повстречал, пустившись к Зловещим болотам, были грубы со мной, а у меня осталось очень мало времени, чтобы найти то, что мне нужно. Если бы горожане относились ко мне *добрее*, улыбались, кланялись и указывали дорогу, как указатели на пыльной обочине... Но они этого не делают. Я догадался, что ты знаешь меня, но ты ничего не сказал и не предложил свою помощь. Почему?

Мужчина пожал плечами, и его тело содрогнулось, будто сдвинулись континенты.

– Я знаю кое-что, чего не знают обычные люди. Они, скорее всего, не отличат тебя от королевской коровы. А если отличат... – Глаза трактирщика сверкнули, как корпус корабля в утреннем свете. – Сказать, что твоего отца здесь не любят, – ничего не сказать. Они бы пожелали вытрясти уплаченные налоги из твоей шкуры, если бы знали, что из этого выйдет толк. Они бы пожелали забрать назад детей, что исчезли в башне волшебника. А если не получится, они бы пожелали убить тебя в качестве расплаты. И я бы не стал им препятствовать. Тебе лучше оставаться неизвестным. Ты *ужасно* далеко от дома. Что здесь значит твоё имя, кроме указания на чужака-тирана? Не говоря о том, что у нас, *крестьян*, нет привычки помогать странным путешественникам. Мне бы больше пришлось по нраву собака с родословной вроде твоей, смекаешь? И я сказал тебе больше слов, чем всем посетителям за месяц, так что намотай их на ус и скатертью дорожка.

Сбитый с толку Принц повертел в руках кружку. Он уже начал привыкать к унижениям и к тому, что все делали из него дурака. Разумеется, это тревожило, но демонстрировать свою смелость и хорошие манеры прямо здесь не стоило.

– Но ты хоть скажешь мне, где найти Зловещие болота? Боюсь, я заблудился. И, – Леандр сглотнул, точно пойманная форель, – не знаешь ли ты сапожника, который продаст хорошую пару сапог?

Трактирщик взглянул поверх испачканной элем стойки на принцевы пальцы, выглядывающие из поношенных ботинок, как черви из мешка с наживкой. Он снова фыркнул.

– Когда-то, будучи ещё молодым, я отправился на болота. Я расскажу тебе историю, если ты уберёшься прочь отсюда.

Широкоплечий мужчина выпрямился, словно ребёнок, отвечающий урок. Когда он начал свою историю, его голос сделался глубоким, точно шум прибоя, а слова стали чёткими. Принц замер – к этому моменту он сделался отличным слушателем.

– Звать меня Эйвинд. Ты это имя точно не слышал...

Сказка Трактирщика

В дни своей юности я был медведем. И нечего глядеть на меня разинув рот! В моих краях, что лежат так далеко к северу, как пустыни – к югу, много медведей. Вся моя земля покрыта снегом и населена гордым племенем медведей с бледной шерстью, которые правят хорошо и мудро. Когда мы шли по льду, напоминали волну, исчезающую прежде, чем пена коснется берега.

Я был одним из белых медведей, и очень счастливым. Я любил медведицу, а она была лучшей из наших рыбачек: могла опустить шелковистую лапу в стремительный поток с тающего ледника и выловить двадцать лососей разом, удерживая их, как букет полевых цветов. Её большие и тёмные глаза танцевали, словно огни, часто расцветивающие ночное небо. Она была новичком в астрологии, но уже легко читала Звёзды, точно буквы. Когда она вставала на задние лапы, делалась выше, чем я.

В Стране Нетающего Снега наши дни проходили просто, за рыбной ловлей или охотой, рычанием медвежат и наблюдением за Звёздами. Мой народ всегда был народом великих астрологов, хотя вы, люди, редко к нам обращались. Иногда, всего один раз за много лет, собиралась Медвежья Конгрегация.

И вот её созвали в тот день, когда я и ещё несколько молодых медведей хотели объявить, кого мы выбрали себе в пару. Такие вещи зависят от движения Звёзд, нужно получить одобрение Конгрегации. Тюлений жир разложили блестящим ковром вместе с большими ломтями лосося, что розовее лапы медвежонка, которому час от роду. Сотни белых лис забили в честь Звёздных божеств, и я сделал из их шкур плащ для приношения.

Медвежья Конгрегация – то ещё зрелище. Медведи приходят со всех ледников, как ожившие куски льда, их глаза светятся ярче шкуры тюленя в холодной воде. К тому моменту, когда все прибыли, Звёзды уже засияли сквозь прорехи в небесном занавесе. Я поклонился им. Полезно быть вежливым, когда собираешься просить об услуге. Кроме того, я хотел

убедиться, что они одобряют мой выбор – как-никак она была гордостью Страны Нетающего Снега.

– *Звёзды шепчут на своих небесных плавучих льдинах*, – начал один медведь.

– *Да будут благословенны небесные охотники*, – ответил я.

Всё это ритуалы. Никто не произносит слова, которые не звучали тысячу тысяч раз, даже первое повторение в этом ряду было лишь отзвуком однажды сказанного.

Все заняли свои места и с удовольствием стали пожирать тюленью плоть.

Когда мои соплеменники насытились и принялись кататься в снегу, большой косматый медведь выступил вперёд. Я знал его, это был Гунде, самый свирепый из нас.

– Звёзды шепчут, брат. Великий ужас случился далеко на юге. Красный летний пожар, что зовётся Острогой-Звездой, поведал мне. Одну из его сестёр... убили. Она была Змей-Звездой, прекрасной и зелёной, теперь она мертва.

Медведи издали жуткий скорбный вой, пронзительный, как костяная игла. Я содрогнулся.

– Мы рыдаем о нашей небесной тётушке, скорбим о хрупкой плоти. Это недобрый знак. Форма Звёзд искажена – знаки Чёрного Тюленя и Карибу-Окруженного-Волками совместились. Большая Лапа ретроградная. Мы изучили все знамения. В это тёмное время никому не позволено брать себе пару, настала пора скорби для всех, кто любит Звёзды. Нам жаль, братья.

Я завыл протяжно и низко, точно засыпанный снегом рог. Разве справедливо, что чья-то смерть в лесу лишила меня возлюбленной во льдах? Я запустил когти в мерзлоту.

– Возможно, через год, когда Созвездия снимут свои чёрные и серые вуали... – Гунде хотел успокоить меня, но я слышал ложь в его нежном рычании. Ведь Звёзды всё время скорбят. Они отняли у меня невесту раз и навсегда. Ничто не заставит их изменить своё решение. Как нас учили давным-давно, Звёзды не могут сойти с орбит.

– Мне нет дела до мёртвой змебогини, – Медвежья Конгрегация ахнула от моего богохульства. Никто, кроме разгневанного меня, не смог бы махнуть мозолистой лапой на всю их братию. – Если вы не отдадите мне суженую, я заберу её, и мы отправимся к другому морю, где у Змей и Звёзд нет власти.

Позади меня раздались мягкие шаги. Сначала я услышал льдистый запах её шкуры, а потом увидел её чистые чёрные глаза, которые смотрели на меня с жалостью.

– Нет, – прошептала она, и её голос был как скольжение медвежонка животиком по льду. – Ты думал, что я провожу свои дни глядя на лёд? Я вижу небо, как все медведи, и лучше некоторых. Я видела, что знак Лисы-Которую-Трудно-Поймать опустился за горизонт раньше времени, а Луна потемнела словно китовая кровь на леднике. Потом, когда Нож Охотника взошел на юге, я знала, что тучи полны скорби. Этому не суждено случиться, Эйвинд. И более того – Сброшенный-Рог в Третьем Доме – у тебя не будет пары ни сейчас, ни потом. Ни со мной, ни с кем-то другим. Что написано, то нельзя стереть. Улыбайся, как сможешь, охоться со мной и рыбачь, но не проси идти в твою берлогу. Ты можешь проклинать Звёзды, а я не стану.

– Прекрасная бестия, избранница моего сердца! – Я плакал открыто, на виду у всех воинов, не в силах поверить, что мне отказано в том, что предназначено быть моим. – Нет, – воскликнул я, – я не стану улыбаться. Отправлюсь в южные леса и отомщу за смерть сестры-Звезды, змебогини. Я исправлю зло, причинённое её священной плоти, и заслужу благосклонность Остроги-Звезды, Пронзающего-Подшерсток-Светом-Своим. Он даст мне мою невесту. Я сражался в тысяче битв с яростными волчьими стаями, эту битву тоже выиграю. Я одержу победу!

Моя любовь лишь покачала большой белой головой и тяжело ушла прочь по снегу.

Я немедленно оставил суетливую толпу на льду, ничего не взял с собой. Я ни разу не взглянул на Звёзды, чтобы получить напутствие; не услышал протесты своих братьев, не увидел слёзы моей яркохвостой подруги, что падали, как первый снег на замёрзшую землю. Я думал, что знаю правильный путь. Он простирался передо мной так уверенно и прямо, что я не удержался и ступил на него. Мои лапы нашли его с лёгкостью, потому что всё это, видимо, было написано давным-давно. Отчего же ещё могла умереть змеябогиня, кроме как ради моей мести за неё?

Как ты уже понял, я был очень глупым медведем.

Я отправился в путешествие на юг, в сторону от ледников, которые никто из моего рода раньше не покидал. Я ел лососей из стремнины, перевязывал свои лапы, когда они кровоточили от неустанной ходьбы, и всё время молчал, потому что было не с кем говорить. Во тьме ночей я смотрел, как Материнское-Молоко мерцает белизной на небе, извиваясь меж Звёзд, будто размотанная нить.

Мир обширнее, чем медведь мог себе представить. Он пожирает расстояния, как голодный медвежонок. После полного цикла луны мне было трудно понять, отчего вокруг не полыхающие джунгли Южных Королевств, почему солнце не налилось краснотой, а Звёзды не сложились в созвездия, о которых ходили легенды: Скорпион, Лев, Змей. Я всё ещё шел сквозь холодные ветра и горы, похожие на сломанные зубы. Если так пойдёт и дальше, моя любовь станет бабушкой с серой шерстью и серыми зубами раньше, чем я смогу назвать её своей.

Когда луна стала полной в третий раз с того времени, как я пустился в путь, и плыла по небу словно огромный кит, раскрывший все плавники и сияющий, земля и впрямь внезапно переменилась. Она стала влажной и полной зелёных штуквин; вода бежала свободно, ленивыми потоками янтарно-травяного цвета. Я был не из этого мира. Моя белая шерсть выделялась, как прореха, в зелёной ткани холмов. Повсюду рос высокий тростник, тонкий и золотистый, длинные ужи шныряли в воде. Я видел большие рощи тамаринда с шишковатыми красными корнями и кипарисы, что касались неба своими ветвями; шиповник и куманику, похожие на длинные женские волосы. Водяные птицы опускали клювы в блестящие ручьи, их перья сверкали, как нетронутый снег.

Я знал лишь чистую, безупречную белизну моего дома, бледный горизонт, продолжавшийся до бесконечности. Зловещие болота превосходили всё, с чем мне приходилось встречаться ранее. Я уже чуял тяжелый сырой запах тех штук, что росли под землёй, извиваясь; мягкое прикосновение дождя и фрукты на ветвях. От страха и с непривычки моя шкура пошла волнами.

Пока я стоял, утопая лапами в грязи, большая водная птица отделилась от стаи и запрыгала ко мне, то переступая ногами-палочками, то взмахивая крыльями. Она была ярко-зелёной, цвета травы вокруг; некоторые её перья имели до того густой оттенок, что казались почти чёрными. Глаза серые, как внезапный ливень. Клюв загигался книзу, будто скимитар, и был таким же острым. Птица была такой яркой, наряженной в цвета неба, с которого сбегало сияющее солнце, что мне пришлось сощурить глаза, и так уставшие от многоцветья.

Птица резко остановилась поблизости, распахнув большие крылья и топнув ногой. Я чуял её плоть, точно солёную рыбу и плодородную землю.

– Должен признаться, – непринуждённо начала птица, – и впрямь курьёз. Мне придётся послать за Чудищем! Такое не держат в секрете, это грубо. Эй, ты, хватит стоять и тарашиться, будто только что вылупившийся птенец! Можешь присоединиться к завтраку, во время которого мы обсудим, как с тобой поступить.

Бессвязно бормоча, я бросился за птицей, подымая тучи брызг – илистая зелёная вода доходила мне до колен. А она уже неслась далеко впереди, пересекая болота своим странным полудетящим шагом.

– Подожди! – позвал я, и мой голос пророкотал над трясиной, испугав цикад и зимородков.

– Ждешь-пождешь, воды не наберешь, дождь пройдет да засуха придет! – пропела большая цапля, бросив взгляд через плечо, и понеслась ещё быстрее. Мой спутник выглядел зелено-голубым пятном, я за ним не поспевал.

Когда я остановился, еле дыша, а моя шерсть вся намочена от пота, увидел массивный холл из кривых тамариндов, ветки которых переплелись, создав крышу из листвы; в дверях расслабленно стояла цапля.

– Неужели тебе удастся поймать хотя бы мышку, Эйвинд? Ну честное слово! – И она нырнула внутрь, оставив меня в растерянности от того, что моё собственное имя прозвучало из уст чудного создания.

Маленький обеденный сервиз из розога и ивовых корней стоял на столике в комнате, которую любой джентльмен с гордостью назвал бы своей. Тамаринды переплелись так, что вышло три кресла, бесчисленное множество шкафчиков, столов и витых лестниц, которые исчезали в туманной дымке, нависавшей над комнатой в точности там, где должен был располагаться потолок. Я не верил, что помещусь в маленьком холле, но он будто подстроился под меня – я и глазом моргнуть не успел, как красноватые ветви со скрипом зашевелились и соорудили длинный помост, в самый раз для меня.

– Мои тамариндики такие внимательные, – с любовью сказал хозяин дома и, погрузив клюв в маленькую чашечку, начал с удовольствием пить. Я рухнул на ароматное ложе с тяжелым вздохом; мои мышцы горели, точно ламповое масло. Только теперь я заметил, что мы не одни.

Огромное создание цвета запекшейся крови спокойно стояло в углу, уткнув морду в большую миску из дубовых листьев. Дальняя часть холла поднималась вверх и раздавалась вширь, чтобы вместить его. Красные рога этого существа жутким образом переплетались, и, пока оно прихлёбывало чай, я разглядел, что его зубы – и не зубы вовсе, а яркие валики из твёрдой кости.

– Чудище! Он тот, о ком говорил наш брат! Разве не потрясающе, что он пришел *прямо* на моё Болото?

– Да, ваше величество, – ответил алый монстр мелодичным голосом. В его глазах плясал смех, как осенние листья на воде. – У нас и впрямь редко бывают такие... августейшие гости.

– Величество? – спросил я, не в силах представить себе королевство, которым правила эта птица.

– Разумеется. Я Болотный Король. А это Чудище у меня вроде придворного, если хочешь знать. Печально, когда у короля всего один придворный, но он хорош.

– Вы так добры, ваше высокопреосвященство, – напевно произнёс монстр, и в его тоне чувствовался легчайший намёк на безобидное ёрничество.

– Не благодари, дорогой друг! Итак, нужно заняться делом, поскольку времени мало.

К этому моменту я был так озадачен, что не мог ничего сказать. Но я вынудил свой язык зашевелиться в сухой пещере рта:

– Откуда ты знаешь моё имя? Кто такой Брат, о котором вы говорите? Я не понимаю.

– Никто не ждёт от тебя этого, добрый мальчик! – заверил меня Болотный Король мягким, заботливым голосом. Чудище подмигнуло мне багровым глазом. Король продолжил: – Вы созываете свои собрания, а у богов есть свои. Мой брат, Острога-Звезда, явился к нам

в гости несколько месяцев назад и сообщил о твоём приходе. Сиди тихо, и я расскажу тебе о его визите.

Сказка Остроги-Звезды и Цапли

Там, где ступал Лаакеа Острога-Звезда, болотная трава превращалась в уголь. Запах подгоревшего хлеба и медной стружки возвестил о его прибытии задолго до того, как над одним из холмов показалось зарево. Его свет расходился кругами, и всё вокруг вскипало, покрывалось горелой коркой и шипело. Каждый его шаг по Великому Болоту порождал струйки пепла, и лягушки да ужи разевали рты в безмолвном ужасе, когда срывавшееся с его пяток пламя задевало их слизистые тела. Я сначала услышал песню травы, исходящей паром, а потом увидел своего брата – миновало много лет с той поры, как он в последний раз прерывал свою одинокую охоту, ибо Лаакеа выслеживал луны, как иные охотники – быстрых оленей с серебристой шкурой.

Ты ведь простишь меня за цветистые фразы? Члены нашей семьи и впрямь очень любят, когда превозносят их красоту. Тщеславие – привычка древняя и почтенная.

Он, разумеется, был белым: Звёзды вроде него – маленькие и горячие – всегда белые. Его волосы струились свежестырированным полотном, длинные и прямые, до самой талии, а кожа была цвета бледнеющего горизонта, того же оттенка, что бумага, превратившаяся в пепел. За плечом у него висело большое копье в чехле из кожи белой змеи, золотые глаза трепетали под бесцветными ресницами. Он ходил босым; в общем-то, на нём не было одежды, кроме белой повязки на узких бёдрах, украшенных замысловатыми татуировками, символами языка Звёзд. Чернила этих отметин были странного серебряного цвета и проступали, только когда к ним прикасался стелющийся болотный туман.

Я неловко обнял брата, который вошел в мой холл, превращая каждую щепочку в небольшой пожар. Ра-зумеется, мне не хотелось, чтобы сгорели мои тамариндики, но явившимся в гости родственникам следует оказывать должное внимание. Как заведено, я попытался начать приятную беседу и предложил ему выпить, но он отказался.

– У меня новости, и они не могут ждать. Ты хоть раз позволишь мне сказать всё, что надо, не прерываясь?

Я залился румянцем от смущения, но продолжал вести себя с достоинством и элегантностью. Приготовившись слушать, с удовлетворением подумал о том, что Чудище в тот момент занималось одним из Принцев, что временами навещают наши владения, так что Лаакеа никто не помешает рассказать свою историю. Он не очень-то любил Чудище – Звёзды обращают внимание лишь на себе подобных. В любом случае, они до жути педантичные создания, Чудище заскучало бы.

Лаакеа снял копье со спины и тяжело вздохнул – кроны деревьев зашелестели от его голоса, точно бегущие мимо луны облака.

– Произошло ужасное – человек убил нашу сестру, Змею-Звезду с юга. – Он явно ждал моей реакции, но чёрный Ибис-Эмир уже побывал в северных землях, чтобы поведать мне о её смерти и пролить большие сапфировые слёзы в мои ладони. Увидев, что я не удивлён, Лаакеа продолжил: – Я поздно понял, что она слишком задержалась в проклятом королевстве, той больной земле с гнилостными ветрами и башнями, что царапают небо железными когтями...

Сказка Звезды

Должен признаться, я был слишком поглощён охотой, ибо преследовал великую редкость – Жар-Птицу, которая должна была стать свадебным подарком для моей бедной,

несчастной сестры... Так вот, я выслеживал птицу в холмах и долинах, изрезанных реками. Ты знаешь, как мы любим то, что искрится и сияет. Нам кажется, что оно может вернуть что-то другое, давно утраченное.

Жар-Птицы любят красные фрукты, и я надеялся приманить её багровыми семенами, собранными с иксоры, пустынного факельного дерева, – их нелегко добыть, но это любимое лакомство Жар-Птиц, яркое и мягкое, как вишня, с косточкой из кремня и кресала; из-за них и вспыхивает новое дерево. Говорят, некоторые Жар-Птицы даже гнездятся в ветвях этих деревьев и возвращаются к ним, чтобы отложить яйца в пепел, как лососи, плывущие вверх по реке.

Я поджидал добычу в солончаках, что граничат с пустыней, которая называется Пороховая бочка, и иксоры горели в ночи, согревая небо, пока солнце пряталось под землёй. В сумерках их оранжевые ветви мерцали, пощёлкивали и искрились, как походные костры, разведённые тысячами солдат. Жар-Птиц не было видно, однако меня это не тревожило: они скрытные, а факельный лес велик. Я несколько недель выискивал деревья, которые угасали и умирали, чтобы собрать переполненные соком ягоды, остававшиеся после них; просеял мёртвый пепел, но не нашел ни одного пламенеющего яйца.

Наконец, я засеял соль вишнёвыми семенами, яркими, точно капли крови. Определённо, Жар-Птица должна была ринуться вниз, чтобы схватить их своим бронзовым клювом.

Я ждал три ночи, но она не появилась. На третью ночь я и сам о ней забыл: на равнине появилось жуткое видение, которое вытеснило из моего разума мысли о добыче.

Три горничные нашей сестры – ты, разумеется, знаешь их, они были милыми девочками с нефритовыми травяными змейками и изумрудными гадючками в волосах – шли по песку, спотыкаясь и держась друг за друга, чтобы не упасть. Их жреческие одеяния свисали с худых тел, точно разорванные в ключья гигантскими когтями. Я отвернулся, чтобы не смущать молодых женщин – их нагота была едва прикрыта, а кожа цвета молодой листвы сделалась алой, обгорев на солнце пустыни. Они стонали и жалобно кричали, мучительное эхо отзывалось из всех окрестных каньонов. Поначалу я решил, что они кричат от боли, но то была похоронная, поминальная песнь. Они схватили меня и заставили повернуть лицо, взглянуть на их позор.

Брат, они выглядели ужасно – вряд ли я смогу тебе описать, на что были похожи их лица, покрытые ранами, которые переходили друг в друга, точно узоры на гобелене. Но даже этого показалось мало мужчинам, осмелившимся тронуть их священные тела: языки жриц были вырезаны грубыми ножами, остались только воспалённые обрубки, коих недостаточно, чтобы произносить слова. Одна из сестёр взяла у другой некий странный предмет и засунула в свой опалённый солнцем рот.

– Брат-копыеноссец, – прошипела она, – нашшшу госсспожу убили, она мертва, её больше нет. Люди, которые отняли у неё жизнь, ссделали ссс нами это. Они ссвинодемоны, их раздвоенные копыта изувечили наши тела. Мы шли пешком от сссамой её могилы, чтобы отыскать кого-то из её сссемьи. Умоляем, подари нам сссмерть, чтобы мы не ссстрадали дольше, чем необходимо для передачи посслания.

Я с ужасом глядел, как вторая дева-жрица вытащила предмет изо рта своей сестры и засунула в собственный.

– Мы прошли долгий путь, чтобы найти соплеменника, который ссснимет бремя знания с наших плеч. Мы не можем совершить сссамобийсство, тебе придётся нам помочь. Но взамен мы поможем тебе. Мы яссновидящие, знаем, что будет, и видим течение времени – оно точно вода, которую переливают из одной чашки в другую. Ты должен отправиться на север и предотвратить свершение мести руками того, кто помешает воплощению замысла нашей госсспожы, кто сотрёт её священный труд лишь для того, чтобы написать сссверху

своё имя. Она умерла и восстала – в своей неуклюжести он лишит её этого, отнимет у тени последнее.

Она вынула кусок розовой плоти изо рта и передала последней сестре.

– Священные провидицы, что за бесформенную вещь вы передаёте изо рта в рот? – спросил я с содроганием. Работала такая ужасная магия, что я едва осмелился заговорить. Звёзды дают предвидение тем, кто привязан к земле, мы же не вмешиваемся в будущее. С чего вдруг моей сестре понадобилось нарушать традицию?

– Мы украли его у Вассилисска, – жалобно прошептала третья провидица, – это язык, так что мы можем говорить и передать тебе предупреждение. Следовало ли нам справиться с тремя монссстрами? Мы сссётры, мы делимссся друг с другом.

Третья сестра, определённо, была старшей и самой лучшей провидицей. Она закрыла свой единственный глаз и, не меняя интонации, произнесла пророчество, ради которого им пришлось пройти такой долгий путь.

– Ты должен отправиться к Болотному королю. Существо из сснега и когтей придёт к нему, умоляя отомстить за нашу госсспожу, чтобы заслужить право на твою услугу. Ему нельзя позволять сследовать этим путём. Змеи сссами сспособны за себя постоять: ей не нужна помощь животного. Если он встанет на её место, её смерть будет напрассной – его дорога должна уйти в ссторону от её дороги, так мы видим. Он лишь сделает её смерть напрассной. Изгибы её тела ещё шевелятся, и Подвиг этой твари разрушит вссе планы. Ты понимаешь, Брат-Копьеноссец?

Я выразил своё согласие традиционно, прижавшись лбом к её лбу и принимая их груз. После этого все три одновременно рухнули на песок, и их падение было не громче падения змеиной шкуры на дюны. Они сильно потускнели: голод, солнце и горящие леса высосали из них почти весь свет. Язык Василиска выкатился изо рта третьей сестры и упал на горячее золото земли. Их глаза закатились, рты беззвучно воззвали ко мне, и я хорошо понимал их просьбу.

Но я не мог сделать того, что они просили, – это и птице понятно. Смерть – стена, за которую мы не смеем заглядывать, и никогда раньше одна Звезда не убивала другую. Я не стал бы первым, кто лишил жизни соплеменника.

Взамен я собрал с песка вишенки, похожие на капли крови. К чему они были мне теперь? Моя сестра не смогла бы полюбоваться на полыхающее разноцветье Жар-Птицы. Я перенёс женщин и плоды в лес факельных деревьев и уложил под сенью иксор. Отсветы их пламени ложились на лица жриц – наверное, так они сами светились, когда моя сестра взяла их к себе.

Я поочерёдно вонзил своё копьё в ствол каждого факельного дерева. Кора у них была почти чёрная и жесткая, отвердевшая из-за постоянного горения. Но внутри они пустые, там ничего нет, кроме пепла и тонкой жилы с кипящим соком, потому что деревья пожирают самих себя. И, только спалив всё без остатка, дают плод, ценное семя, и умный садовник поймает его в полёте ещё до того, как дерево рассыплется белым пеплом, чтобы оно не взорвалось и не сгорело впустую, упав на жесткую почву пустыни.

У меня был целый мешок этих своенравных маленьких шуток, незачем ждать, пока умрёт иксор. Я осторожно вытащил из влажной мякоти фруктов косточки-огнива, словно извиняясь перед высоким деревом, – пусть на его месте вырастут целые джунгли. С той же аккуратностью я разрубил пролежавшую под толстым слоем пепла жилу с соком и полил жидкостью, похожей на расплавленный воск, раздавленные красные вишни.

Эту смесь я вложил в рот каждой из трёх провидиц, а потом – прости моё высокомерие, брат Цапля! – рассёк собственную руку и добавил в обжигающее лекарство свет моего тела. Для нас нет более святой жидкости, и я не знал, что ещё могу для них сделать.

Прошло много часов, прежде чем они смогли сесть, а моя рана почти исцелилась. Они не поблагодарили меня, их лица были черны от отчаяния, но змейки в волосах потянулись ко мне и зашипели мелодично и умиротворяюще. Сполна испив чашу скорби, провидицы двинулись прочь в пустыню, мимо деревьев, шатаясь и поддерживая друг друга. Проходя мимо кучки семян, самая молодая пнула её, и семена превратились в череду вспышек и облако густого дыма.

Сказка Остроги-Звезды и Цапли (продолжение)

Он закончил свою историю.

– Ох! – воскликнул я. – Бедный Василиск! Он что же, лишился языка? Какая горестная участь! На прошлое равноденствие я посетил его пещеру, и он так красиво пел.

Лаакеа бросил на меня суровый взгляд, ясно давая понять, что неожиданный поворот в судьбе моего друга Василиска его совершенно не волнует.

– Ты понял, брат Птица. Когда существо явится сюда, останови его.

– Как же я могу остановить того, кто вознамерился совершить Подвиг? Чего ты от меня ждёшь? Нарушения правил гостеприимства?

Лаакеа фыркнул:

– Мне всё равно. Убей его. Запри в стволе дерева. Я верю, тебе хватит мудрости. Нам пора прощаться. Я многим пренебрёг, отправившись на твоё болото, – мне следует посетить погребальную церемонию нашей сестры.

– Негоже кому-то из нас вмешиваться в то, как люди вершат свои Подвиги. Они любят этим заниматься – Подвиги для них столь же ценны, как и собственные сердца.

– А кто сказал, что речь о человеке? – отозвался Лаакеа с видом заскучавшего ребёнка.

На этом облачённый в белое брат покинул мой дом и, вновь опалив траву, отправился на юг – пар стелился за ним как вуаль, но вскоре рассеялся, будто воспоминание, и Звезда исчезла из вида, а отзвуки её шагов затихли.

Сказка Трактирщика (продолжение)

– Юный друг, ты видишь, в чём моя дилемма, – Болотный король забавным образом скрестил ноги-тростинки. – Я ни в коем случае не могу позволить тебе довершить задуманное. Ничего личного, разумеется. Пусть женщины сами вершат своё возмездие. Тех, кто вмешивается, редко благодарят – взять хотя бы историю моего дорогого Остроги в качестве примера! Так вот... Я полагаю, не стоит и надеяться, что тебя можно убедить поскорее отправиться домой и сделаться отныне и вовек хорошим медведем?

Я поёрзал, еле сдерживая рыдания.

– Не могу же я просто сдать! Я пойду дальше, будь твой рассказ правдой или нет. Если Звезда замыслила возмездие из могилы, быть может, она подарит мне мелочь, о которой я прошу. Неужто боги всё это устроили, чтобы лишить меня подруги? Разве супружество – ужасная вещь?

– В общем-то весьма незначительная вещь, – мягко проговорил Болотный король. – Боги, если ты желаешь их так называть, ничего не устраивают. Просто мир – ворох карт, которые тасует судьба, и мы с тобой мало что можем сделать, когда она разбивает колоду. Нужно научиться принимать поражение с достоинством. Ведь существует и благородное слово «долг».

Я топнул в гнев, и ветви холла взволнованно заколыхались.

– Должен быть выход! Я намерен совершить Подвиг! Его нельзя просто так прекратить! Надо победить или проиграть, он не обрывается внезапно!

– Я верю, что ты, скажем так, начинаешь понимать. Я вижу, что тебе трудно признать свой проигрыш. Дело в том, что Подвиг – не свойственная твоему племени вещь. Моему тоже, если на то пошло. Подвиги для людей, это их изобретение, чудовищное баловство, пристрастие. Они навсегда сделали его своим. Каждый твой шаг, дорогой Эйвинд, обкрадывает людей, лишая их сокровища, доставшегося весьма дорогой ценой. Очень печально, что лишь Подвиги придают их жизни какой-то смысл. Они вообще – печальная раса. Нам стоит поплакать о них, но не сильно. И мы уж точно не должны перенимать их смехотворное пристрастие к самоубийственному поведению. Я придумал способ, позволяющий не дать тебе достичь краёв, где погибла моя сестра, и одновременно дающий маленький шанс на получение желаемого. Я превращу тебя в того, кем должен быть отправившийся на Подвиги, – в человека.

Я разинул рот. От ужаса моя шерсть встала дыбом и пот увлажнил мои большие белые обвислые щёки.

– В человека? За что мне такое наказание?

– Это не наказание, несчастное чудище, – усмехнулся Болотный король. – Ты отправился совершать Подвиги, взялся за вещь, которую делают только люди, – как правило, невероятно глупые. И потому ты должен стать человеком, если хочешь и дальше следовать по этому проклятому пути. Если вдуматься, всё просто и прелестно как гармонично. И человек – не самая кошмарная форма, в которую можно перевоплотиться.

– Но если я стану человеком, Змея-Звезда не будет меня слушать: Звёзды сторонятся людей, прячутся от их пота и вони. Я больше никогда не увижу свою возлюбленную! Она сама убежит от меня, приняв за охотника. Я не смогу этого вынести...

– Ох, успокойся. Я не говорил, что это навсегда. Знаешь, тебе стоило бы подумать о том, что подруга не так уж обязательна для выживания. Погляди на нас с Чудищем! Мы беззаботные холостяки и вполне счастливы, нас ничуть не беспокоит отсутствие в этом доме больших и важных медведиц.

Тут Чудище отвлеклось от тихой игры с самим собой в триктрак из кусочков коры.

– Ммм? О, да, мы вполне счастливы. Только мухи, знаете ли... Его высочество временами переходит к весьма беспорядочной диете – нужен крепкий желудок, чтобы смотреть на такое.

Он вернулся к партии, которую вёл с азартом, но определённо проигрывал.

– Что ж, – Болотный Король вежливо щёлкнул клювом, – как бы там ни было, ты будешь человеком относительно короткий период. Я уже обсудил этот вопрос в деталях с некоторыми малыми Звёздами – белыми карликами и прочими. Я упакую тебя в человечесью кожу туго, как в перчатку, пока, – тут он театрально прочистил длинное голубое горло, – девственницу не проглотят целиком, море не станет золотым, а святые не отправятся на запад на крыльях яиц, не знавших наседки.

– Во имя Звёзд, это ещё что такое? – ахнул я.

– Не имею ни малейшего понятия! Великолепно, не так ли? У оракулов всегда получаются лучшие стихи! Я лишь повторил то, что мне сказали, – довольно невежливо с твоей стороны ожидать помимо магии и пророчества ещё и разъяснений. Ты просишь слишком много, пусть даже у Короля. – Он разволновался, от возмущения его перья переливались фиолетовым. – Просто смотри в оба, только и всего. Море превратится в золото. По мне, такое не пропустишь. Скорее всего. Хорошо, что знаки столь очевидные. По-моему, ты должен быть благодарен. Теперь стой смиренно, и давай-ка займёмся делом.

– Постой! Я ещё ни на что не согла...

Я хотел протестовать, но обнаружил, что мой язык больше мне не подчиняется: он сделался коротким пеньком и прилип к небу. В ужасе я взглянул на свои могучие и красивые лапы и увидел эти несчастные ступни цвета теста, покрытые неопрятным пухом, смехотвор-

ным образом торчащие из нижней части худых ног. Одним прикосновением крыла Болотный король превратил меня в урода – и, без сомнения, в человека.

Однако монарх и сам переменялся. Он теперь был не высокой царственной птицей с внушающим уважение и трепет размахом крыльев, а согбенным стариком с длинной бородой, которая переливалась всеми цветами трясины – зелёным, коричневым и серым солончаковым. Чем-то он походил на рыбу, с землистой влажной кожей и широким тонкогубым ртом.

– Что это? – пробубнил я, изо всех сил ворочая никчёмным языком.

– О чём ты? Прости, конечно, мне следовало объяснить. Когда ты был животным, я принял сообразный облик благородного животного. Теперь ты человек, и я кажусь тебе лицом преклонного возраста: к подобным мне твои соплеменники испытывают уважение. Я оказываю тебе любезность. Можешь не благодарить.

– А как же Чудище? – беспомощно спросил я. Тварь с алыми копытами была совершенно такой же, как раньше.

– Чудище – оно всегда Чудище, – ответил монарх скучающим голосом, в котором чувствовалась нежность.

Услышав своё имя, придворный задиристо мотнул головой.

– Просто Чудище, – заверил он.

Болотный Король встал и выпроводил меня за дверь с видом хозяина, который внезапно понял, что лишь один гость отделяет его от уютной постели.

– В путь, Эйвинд, мой мальчик, – ха-ха! Ты ведь теперь и вправду мальчик! Восхитительно. Мы ещё увидимся, я не сомневаюсь. Спешите! Счастливого пути и прочей чепухи!

Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)

Тело Эйвинда расслабилось. Он тяжело опустился на стул и вздохнул.

– С той поры я человек. Я старел и толстел, пока опять не стал похож на медведя, с этим брюхом и волосами. От этого никакой пользы. Я не медведь. Пытаюсь им быть, но это не так. Я всё ещё жду, что море превратится, а оно не превращается. Я держусь поближе к Болотам, надеясь, что короли и вправду не лгут. Хотя надежды у меня почти не осталось: ведь твой отец тоже король. Болота отсюда менее чем в неделю пути к северу. Жизнь меня сломала. Наверное, я умру в этой грязной таверне, подавая пиво всяким паршивцам.

Принц глядел на столешницу, покрытую завитками и спиральями древесных узоров, похожими на отпечатки пальцев.

– Мне жаль, что так вышло, – пробормотал он.

Лицо Эйвинда побагровело.

– Мне не нужна твоя жалость, мальчишка, это бестолковый груз. Я дам тебе пару сапог – не обещаю, что они подойдут, – если ты передашь послание и спросишь негодную птицу, когда я верну назад то, что мне принадлежало. Я устал ждать.

– Ты... ты про Болотного Короля, да?

– Парень, ты глуп, как медвежонок, который ещё мамку сосёт. Да, про Болотного Короля. Неделя пути на север – и ты утонешь по колено в грязи и угрях. Теперь бери это и мотай отсюда, пока я не предъявил счёт за стул, который ты портишь.

Он бросил на стойку пару грязных, смазанных ваксой чёрных сапог на несколько размеров больше, чем требовалось молодому Принцу, и исчез в задней комнате, что-то проворчав себе под нос.

Леандр робко взял сапоги и, вспыхнув от взглядов потрепанных завсегдаев, выскользнул из таверны.

Он отправился на север, как сказал Эйвинд, и действительно попал на Зловещие болота, чья граница была чёткой линией, за которой начиналось царство влажной зелени, насыщенной запахами гниющей травы и костей. Принц легко учуял запах самого Левкроты, медный и острый, впрямь напоминавший запах крови. Болота были обширны и окутаны дымкой, точно нефритовый узор на полированной древесине, сквозь трясину вели цепи луж, а вокруг шумел камыш, и цапли замирали, стоя на одной ноге. Вода блестела, точно драгоценное ожерелье, а под водой сновали жирные угри и виднелась мерцающая рыба чешуя.

Вообще-то болота показались Принцу очень красивыми, но с каждым шагом его чрезмерно большие сапоги погружались всё глубже, пока он не замедлился до такой степени, что встревожился – не застрять бы совсем, ведь следовало вернуться к Ведьме до новолуния, чтобы выполнить обещание. Поэтому он тащился через болота, грязь хлюпала вокруг его сапог, доставая до ножен меча в промокшем мешке. С каждым новым шагом гигантские сапоги грозили окончательно увязнуть в трясине, но в последний момент шлёпали о щиколотки.

В центре болот была роща тамариндовых деревьев, их красноватая кора поблескивала, словно под ней прятались тлеющие угли. Привлечённый цветом, Леандр на миг застыл, созерцая их. Но он уже насытился магией и всерьёз опасался, что некто ужасный, обитающий внутри, задержит его. Принц обошел рощу по широкой дуге, хоть из-за этого и пришлось промокнуть по пояс.

Далеко уйти не удалось – у него на пути возникла фигура, словно созданная целиком из воды и травы.

– Как ты смеешь меня оскорблять, проходя через мои земли, не нанеся визит?

Дымчатый силуэт сгустился, обратившись в старика, чьи усы свисали, как у сома, а волосы казались водопадом мха. Глаза у него были в точности того же оттенка, что и болотная вода, – зелёно-коричневые, мерцающие. Рукава мантии сделаны из речного тростника, а плащ – из опавшей листвы, украшенной желудями.

Он преспокойно завис в трёх футах над ближайшей травянистой кочкой, упираясь перепончатыми ступнями в воздух и задумчиво покуривая трубку из ивовой ветки.

– Ну? – многозначительно спросил он.

Принц мог захлебнуться словами или мучительно их подыскивать, как умирающая форель ищет воду, которой нет и не будет. Вместо этого он медленно моргнул – раз, другой – и тяжело опустился на поросший мхом валун.

Болотный дух добросердечно рассмеялся.

– Бедный птенчик. Должен признать, в какой-то момент от такого немудрено и голову потерять. Я Болотный король, – он отвесил короткий вежливый поклон, – а ты явился от Ведьмы из долины, чтобы убить моего друга Чудище. Я, разумеется, не позволю тебе сделать подобное, но с удовольствием побеседую на эту тему – если пожелаешь, можем устроить дискуссию.

– Дискуссию? О том, убью я Левкроту или нет? – спросил Леандр, смущенный.

Болотный король радостно кивнул лохматой головой.

– Он предпочитает обходиться без формальностей – просто Чудище.

– Хорошо – убью я Чудовище или нет?

– Боюсь, мой мальчик, ты не понял. Просто Чудище. Он считает, что Чудовище звучит слишком помпезно. Он славный парень, Чудище.

– Хорошо, Чудище.

– Чудище.

– Убью ли я его?

– Дискуссия – штука тонкая. – Болотный король мечтательно вздохнул. – Припоминаю одну удачную, лет пятьдесят назад. Был другой длинноногий убеждённый птенчик, преследовавший Чудище... Они иной раз как нагрянут. Ну что, устроим и мы такую же, давай?

Глаза Болотного короля сверкнули, точно угорь проплыл на мелководье, весёлый и шаловливый.

Дискуссия Болотного короля

Последний юноша, явившийся к нам, вёл себя довольно нагло, будто алый плащ, украшенный золотыми кистями, давал ему на это право. Он тоже не почтил меня визитом, но, когда я появился перед ним, проявил любезность. А потом расстелил свой плащ на той скале и уселся, скрестив ноги, в равной степени желая подискутировать со мною и отрубить голову бедному Чудищу.

Я начал с самого простого, как ты сам убедишься:

– Итак, почему ты хочешь убить Чудище? Оно не одалживало у тебя меч и не забывало вернуть, не портило твой любимый портшез, вообще тебя не трогало!

– Я Принц, – ответил юноша с глуповатой уверенностью. – Функция Принца (А) – убивать монстров (В), восстанавливать порядок (С) и поддерживать стабильное количество дев (D). Если подставить производное от величины А (Принц) в уравнение $y = BC + CD^2$ и приравнять всё к нулю, учитывая вершину параболы, а именно точку пересечения А (Принц) и В (Монстр), можно определить значение величины Е, которая представляет собой стабильность в королевстве. Это сложно, если у вас есть карта под рукой, я лучше всё нарисую.

– Ох, мой мальчик, – сказал я после того, как он почти испортил одну из моих топографических карт, исписав её уравнениями. – Чудище не монстр. Он не поедает девушек, будто сэндвичи с огурцом, а ведёт себя как положено воспитанному Чудищу.

– Но ведь он весьма уродлив? – настаивал Принц.

– По мне, он славный парень, но некоторые могут счесть его невзрачным. Это да.

– И от него исходит смрад?

– Тут спорить с тобой не буду – с подветренной стороны лучше не становиться!

– И у него в самом деле жуткая челюсть из кости и большие высокие рога?

– Да-да, ты верно описал Чудище!

– Так он монстр! – радостно воскликнул Принц. – И я должен немедленно его прикончить. Формула действует!

– Результатом твоей формулы окажется нешуточная битва, – задумчиво проговорил я.

– О да, если применить её верно, случается великая и благородная битва! Разумеется, я всегда побеждаю, ведь значение Принца Икс – константа. Оно не может быть меньше значения Монстра Игрек. Такова гипотеза морального превосходства, получившая широкую известность пятьсот лет назад благодаря моему предку Этельреду, королю-математику. Равный ему так и не родился за все века.

– О да, ничуть не сомневаюсь.

– Если мы закончили, думаю, мне пора заняться доказательством, – сказал Принц, для тренировки размахивая мечом. – Это мы называем смертоубийством, – пояснил он, занеся меч высоко над головой. – Потому что всякий раз, когда погибает монстр, происходит доказывание гипотезы.

– Как мило с твоей стороны дать этому действию столь... благозвучное наименование. Но я не могу допустить подобное.

– Но... но... – Он был так уязвлён, что поперхнулся словами. – Формула!

– Невзирая на формулу. Это моё королевство, и никакого насилия в его пределах не будет до тех пор, пока я здесь правлю. По крайней мере это ты должен понять. Здесь моё слово – закон.

– О да. – Принц кивнул. – Универсальный монархический алгоритм находится в основе теоремы.

– Теоремы?

– Надлежащего поведения.

– А-а.

– Я защитил диссертацию по монархическому алгоритму, – заносчиво предупредил молодой человек. – Если вы не позволите свершиться насилию на вашей земле – один момент, я произведу подсчёты, – он снова принялся калякать что-то на моих красивых картах, – я брошу вызов, и, если Чудище в курсе, как подобает вести себя монстрам, оно не ответит отказом на вызов благородного вельможи.

Я вздохнул, признавая своё бессилие:

– Да, тут ты прав.

– Ну тогда вперёд! – ответил Принц и удалился быстрым шагом, напевая себе под нос мнемоническую мелодию.

Сказка о Принце и Гусыне (продолжение)

– **Мой милый мальчик, ты только послушай!** Тот юноша попытался броситься на Чудище со скалы, нависавшей над местом битвы – как неспортивно! – и его руки-ноги запутались в рогах бедолаги Чудища. Ушла не одна неделя, чтобы их убрать. До чего же неприятная была работёнка! Возможно, ты будешь действовать разумнее. Итак, – Болотный Король

установился на Леандра поверх перламутровых очков, – ты знаешь какие-нибудь формулы или теоремы?

Принц покачал головой.

– Благодарю за это широкополую небесную шляпу! Вероятно, такой стиль правления вышел из моды. Но боюсь, ты всё равно упорствуешь в своём желании побеспокоить Чудище в неподобающий час.

– Мне придётся.

– Но почему? Мы уже установили путем повторения весьма приемлемой вторичной дискуссии, что Чудище не монстр. – Болотный Король озадаченно сморщил свой зеленоватый нос.

– Я знаю. – Леандр вздохнул. – Но это неизбежно. И я должен задать вам вопрос, прежде чем объясню свою цель.

– Мне? – Болотный Король заметно просиял, от удовольствия у него встопорчились усы. – Почти все молодые люди приходят ради Чудища! У меня давным-давно не было посетителей. В чём же дело, мой милый, симпатичный, великолепный юноша?

– Эйвинд хочет знать, как долго ему ещё ждать, пока море превратится в золото.

Болотный Король сморщил высокий лоб и уставился в небо.

– Не уверен, что малый с таким именем мне знаком, – с грустью признался он.

– Он... он был медведем, а вы превратили его в человека. – Принц вдруг расстроился. История казалась достоверной, словно каменная плита, когда трактирщик её рассказывал. Но престарелый монарх фыркал и хмыкал себе под нос. Наконец, его лицо вспыхнуло, точно фестивальное фонарь.

– Ох! – воскликнул он. – Медведь-звездочёт, конечно! Знаешь ли, не так и долго. Вероятно, быстрее, чем ты доберешься домой к своей Ведьме. А возможно, и нет. Я не веду учёт таким вещам. И с чего бы? Я помню всё, что мне требуется. И поскольку я ответил на твой вопрос, скажи, чего тебе вздумалось требовать от моего дорогого друга Чудища?

– Мне... мне нужна его шкура. Чтобы вернуть девушку к жизни. Я убил её и должен всё исправить.

– Ох, – сказал Король с отвращением, – как это гнусно с твоей стороны. До чего омерзительное действие ты предлагаешь. Даже не обсуждается!

– Так-так, – над Болотами разнёсся гулкий голос, похожий на звук, с которым воздух покидает кузнечные мехи, сжатые гигантскими руками. – Друзья мои, не стоит обсуждать меня в моё отсутствие, это невежливо.

Через обширное болото к ним приближалась тёмно-алая туша Левкроты, чьи рога кроваво сверкали на фоне неба. Воздух тотчас наполнился его запахом, как седельный выюк, – то был запах недвижимых озёр крови, мерцающих в лучах солнца, колодезных вёдер и винных флагов, фарфоровых ваз и тростниковых корзин, наполненных ею: горячий, медный, влажный и неумолимый.

Однако шкура Чудища была до странности красива – цвета тьмы, тайных рубинов и гранатов, рассыпанных на снегу. Его рога возвышались как башни, занятые лучниками с сильными руками, и разветвлялись, точно лес, охваченный огнём. Массивная челюсть слегка свисала, открывая потрясающую белую кость. На мощных лапах он двинулся к Принцу; в бесконечной тьме его глаз, лишенных белков, посверкивали искры, словно от удара кремнем по кресалу.

– Мой дорогой монарх, я могу сам разобраться со своими делами? – нараспев произнёс он.

– Разумеется, Чудище, я не хотел тебя обидеть. Прикончи его в своё удовольствие.

– О, я не обиделся, старина. И я бы ни за что не рискнул посягнуть на то, что в твоей юрисдикции. Только после тебя, – спасовало Чудище.

– Ох, нет, после тебя. – Болотный король отвесил ему поясной поклон.

– Я настаиваю.

– Слышать ничего не желаю.

Левкрота одарил Леандра долгим оценивающим взглядом:

– Ты сказал, моя шкура? Не слыхал, чтобы для неё нашлось применение в целительстве, но, если Ведьме она нужна, я, как джентльмен и монстр, должен уважить её просьбу.

Принц и Король застыли, шокированные.

– Но мы должны сразиться! – заупрямился Принц.

– Не смеши меня, мальчик. Я распотрошу тебя за минуту. Просто бери шкуру и бегом назад.

Болотный король, потрясённый, возопил:

– Дорогой мой мальчик, я вынужден возразить! Вы устройте в моём болоте бардак. И шкура – не карманные часы, её нельзя просто взять и отдать. – Он топнул ногой, поросшей мхом, но никакого звука, разумеется, не получилось, так как он парил над водой.

Левкрота пожал плечами:

– Полагаю, новая вырастет в течение месяца.

Он опустил мощную багровую голову к груди и принялся снимать с себя шкуру, как ребёнок кожуру со спелого яблока, одной длинной спиралью.

– Знаете, – задумчиво проговорило Чудище, пока перед ним росла грудка его собственной кожи, – во времена Ведьминой молодости мы были почти друзьями. Как я могу отказать такому милому созданию? В своё время она была красавицей: шрамы и татуировки, её лицо божественно изуродовано. Уродливость её черт для меня являлась столь же приятной, как первый летний фрукт, красный и безупречный, свисающий с ветки, покрытой каплями росы. – Чудище мечтательно вздохнуло. – Такая, как бы вы её назвали, «безобразная внешность», собранная в одном человеке, встречается редко. – Он многозначительно взглянул на Болотного короля, который несмотря на старость был наделён величественной красотой. – То, как её татуировки отражали шрамы, великолепная симметрия чёрных чернил и белых рубцов на коже... Будь я трубадуром, какие песни я бы сочинил ради её красоты! А как сверкали её волосы! Словно моя собственная шкура, полыхающая в лучах солнца!

Чудище счищало остатки шкуры с копыт, грудка перед ним стала гигантской и тёмно-алой, как кожа в мастерской дубильщика. Само Чудище, судя по виду, не испытывало неудобств, лишь стало ещё краснее, чем прежде; его мышцы блестели от выступивших капель и ручейков крови, что сочилась из него и капала на болотную траву, точно краска. Ветер обдувал обнажённую плоть, но монстр будто наслаждался прикосновениями его призрачных пальцев к своим массивным ляжкам.

– Не бойся, мой оленёночек, – ободрило Чудище Принца, – это совсем не больно. Я даже взбодрился. Посоветовал бы вам обоим попробовать сделать то же самое в качестве укрепляющего средства. Только у вас анатомия... неподходящая, скажем так.

Принц не мог отвести изумлённых глаз от Левкроты, сидевшего перед ним с беззаботным видом, истекая кровью. Он начал собирать шкуру в мешок.

– Ты не удержишься, чтобы послушать, как я познакомился с Ведьмой? – воскликнуло Чудище, и его голос был наполнен болью, как мех вином. – После того как я в точности выполнил твою просьбу? Мама не учила тебя вести себя вежливо с монстрами, которые не соизволили тебя сожрать?

Лицо Леандра залилось краской, и пала тишина, как шерстяное одеяло.

– Похоже, нет, – заключило Чудище. – Сядь-ка рядом со мной и послушай мою историю. Я тебя не трону, вот увидишь.

Солнце пряталось за лохмотьями облаков где-то высоко в небе. Оставалось ещё много времени до того момента, когда бег часовых стрелок обратился бы во вред Леандру. Опаса-

ясь, как бы Болотный король не превратил его во что-нибудь непотребное, Принц тихонько вздохнул и приготовился слушать.

Сказка Левкроты

Она меня спасла, эта маленькая шалунья. Меня угораздило сразиться, как оно нередко бывает, с сыном Герцога Восточных герцогств – типом в узорных доспехах из серебра и слоновой кости. До жути непрактично, разумеется, но сыновья Герцога всегда были щёголями. Я уже продырявил ему левый бок своим рогом, но, увы, не задел ни одного жизненно важного органа, зато в его ударах появилась ярость, которой не постыдились бы двенадцать волков, рождённых от одной матери. Он отчаялся, бедолага. Но в отчаянии сумел воткнуть меч мне под рёбра, почти по самую рукоять.

Высокородный прохвост хорошо подготовился. Моё сердце располагается не возле рёбер, как у людей – оно бы с трудом поместилось! – а глубоко в животе, и жадный клинок к нему даже не приблизился. Тем не менее я оказался в весьма затруднительном положении, так как пародия на меч застряла во мне, а сам сын Герцога собирался отрубить мне голову.

Однако в миг его триумфа, который, должно быть, породил сладость в его молодом рту, стрела вылетела из деревьев со скоростью цапли, заметившей рыбу, и вошла глубоко в плечо моему противнику – удар был такой силы, что парня сбросило с моего корчившегося тела. Из дубовой рощи выскочило блистательное создание, одетое в восхитительные паршивые и завшивленные шкуры, с гривой наподобие яростного терновника. По всей видимости, у неё были сильные и гладкие бёдра, а лицо какой-то неизвестный мне мастер – настоящий художник! – прекраснейшим образом уничтожил, разбил на части, закрасил жирными чёрными мазками. Её запах прикончил бы стаю антилоп, случись им оказаться поблизости... Прогорклый пот, волокнистое мясо – запах голода, металлический и острый. Я вдохнул этот сладкий аромат, как пар от остывающих пирогов.

Чудесное видение вскочило на противного герцогского сынка, прижав его к мшистой земле. Женщина сидела на нем, тяжело дыша и обнюхивая его доспехи, как животное. Я с тоской вообразил себе вонь её дыхания – был уверен, что в ней окажется та особенная комбинация гнилого шпината и варёных яиц с глубокими нотами червивой древесины, о которой я так часто мечтал.

– Что ты творишь? – прохрипела она, оскалив зубы. – Ни одно животное не будет убито в моём лесу. Это мой закон, все люди в королевстве его знают.

Столь правильная речь меня удивила. Вероятно, я размечтался, вообразив себе желтые зубы и то, как она будет изъясняться при помощи фырканья и шипения. Тем не менее получил огромное удовольствие от того, как Принц начал корчиться от страха, будто новорожденный поросёнок.

– Я... я прошу прощения! Извините меня! Я не знал... я... я не из этой страны!

Его протесты не приносили пользы, она лишь сильнее наваливалась, так что симпатичные доспехи стали врезаться в его кожу. Он взвыл, весьма меня порадовав.

– Невежда, – прошептала она, и боль стиснула её горло, точно корсет, – у животного есть душа! Внутри оно вполне может оказаться чем-то иным, нежели чудовищем. Да кто ты такой, чтобы убивать прежде, чем познавать сущность?

– Никто! Я никто! – Тут он принялся нешуточно рыдать, огромные слёзы лились по невыразительному лицу. Странное дело, меня парень совсем не боялся, но под этой женщиной был слаб и лишь верещал так громко, что застыдился бы и обычный свинёнок.

Она закатила глаза.

– Даже ничтожество вроде тебя здесь не убьют. Но поклянись мне, что бросишь Подвиги и посвятишь свою жизнь Принцессе, которую ты, вне всяких сомнений, оставил бездельничать дома.

– Я клянусь! Я клянусь! – После этого признания женщина встала, предоставив сыну Герцога, чья туника начала промокать от травы, возможность безутешно рыдать.

– Не могла бы ты его убить? Ну хотя бы чуточку... – предложил я своим лучшим и самым обходительным голосом. Её глаза повернулись ко мне – две ямы, чью глубину не измерить, бросив камень.

– Таков мой закон, – невыразительно проговорила она. – Я тебя не знаю. Откуда ты взялся в моём лесу?

– Что именно делает этот лес твоим? У тебя есть на него купчая?

– Нет, я просто взяла его себе. Люди не осмеливаются подвергать это сомнению.

Я возбуждённо задёргался от скрипучей шероховатости её голоса.

– Я не человек, как видишь, а Чудище, вид *Leucrotta Furialis*. Так меня назвал этот щенок. Благодарю тебя за помощь, это было весьма любезно.

– Любой зверь, попавший в беду, получил бы то же самое. – Она закинула за спину лук, явно изготовленный собственноручно из подвернувшегося под руку молодого ясеня. – Я Ведьма из Долины. Всё, что дышит в этом лесу, находится под моей защитой. Не считай, что я оказала услугу лично тебе. Если вы оба меня поняли, я вас покину.

– Стой! – Я подбежал к ней, демонстрируя свой цвет, себя в полный рост и во всей красе. – Я должен отплатить за твой смелый поступок и выполню любую твою просьбу, прекрасная госпожа.

Не обращая внимания на завывания герцогского сына, который не поднялся, а сидел и с жалким видом ощупывал стрелу в плече, она оценивающе взглянула на меня, приподняв одну лохматую бровь.

– Ты убьешь Короля, если я попрошу? – спросила она негромко.

– Разумеется, ягнёночек мой. – Я чуть поклонился, вытянув передние ноги. – Но меня трудно назвать малоприметным, поэтому я не смогу войти в Замок незамеченным. И оружия у меня нет, чтобы причинить ему вред, а не просто, хм, сожрать, что тебя, как я предполагаю, совершенно не устроило бы, поскольку в этом случае не осталось бы совершенно никакого тела. Думаю, для такого задания нужен *другой* монстр. – Я многозначительно посмотрел на несчастного Принца, успевшего увидеть собственную кровь и, судя по всему, готового потерять сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.